ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Книга стихов К. Д. Бальмонта «Марево»: поэтика и проблемы комментария

основная образовательная программа магистратуры по направлению подготовки

45.04.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
образовательной программы
«Филологические основы
редактирования и критики»
очной формы обучения
Рязанова Анна Владимировна

Научный руководитель:
д.ф.н. Титаренко С.Д.

Рецензент:
д.ф.н. Налегач Н.В.

Санкт-Петербург
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КНИГИ «МАРЕВО» 19

1.1. Революция и эмиграция в судьбе К. Д. Бальмонта 19

1.2. История создания и публикации книги «Марево» 27

1.3. Критическая рецепция первой эмигрантской книги К. Д. Бальмонта 29

1.4. Литературный контекст: 1917–1922-й годы 34

1.5. Книга «Марево» в поэзии К. Д. Бальмонта 1916–1924-х годов 39

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОЭТИКА КНИГИ СТИХОВ К. Д. БАЛЬМОНТА «МАРЕВО» 45

2.1. Жанровые черты лирического цикла в структуре книги 45

2.1.1. Сюжетно-мотивные комплексы и взаимодействие мотивов 48

2.1.2. Система образов 53

2.1.3. Ключевые темы 56

2.2. Мифопоэтическая картина мира 60

2.3. Субъектная, временная и пространственная организация 66

2.4. Особенности стихотворной формы и композиция 69

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТИРОВАНИЯ КНИГИ СТИХОВ «МАРЕВО» 73

3.1. Методологические проблемы комментария 73

3.2. Текстологический и историко-литературный комментарий 80

3.3. Проблемы интертекста, аллюзий и реминисценций 82

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 91

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 93

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КОММЕНТАРИЙ К КНИГЕ СТИХОВ К. Д. БАЛЬМОНТА «МАРЕВО». БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ 105

ВВЕДЕНИЕ

К. Д. Бальмонт – «старший из старших» символистов: он начал писать еще в 1880-х годах, в начале творческого пути находился под влиянием поэтов XIX века – Тютчева, Фета, Майкова, Надсона – и к началу нового века создал собственный, безошибочно узнаваемый стиль. «К. Д. Бальмонт стоял у истоков Серебряного века. Именно с его творчеством современники справедливо связывали резкое изменение “лица” русской поэзии, своеобразный “культурный взрыв”»[1].

При этом литературоведы, говоря о Бальмонте, нередко отмечают некую недооцененность его творчества, обойденность читателями. В. Ф. Марков, например, пишет: «Бальмонт ходит в пасынках истории русской литературы. Кое-кому кажется, что он сдан в архив»[2]. Бальмонт действительно не относится к таким популярным при жизни и в наши дни поэтам, как А. А. Блок, А. А. Ахматова или С. А. Есенин, в связи со своей внешней стилистической монотонностью, верностью кругу избранных тем, зачастую экзотичностью. Однако Бальмонт определенно не уходит в забвение – среди символистов он выдвинут временем на одно из первых мест. В числе его достоинств Марков называет «longue haleine, текучесть, движение, широкий жест (кстати, у большинства этих свойств есть неизбежная связь с банальностью – которую, таким образом, в этом случае необходимо заранее принять). <…> Бальмонт – поэт хвалы (как Мандельштам) и легкости (как Кузмин), он шел к языку богов (как Вячеслав Иванов)»[3]. Сейчас творчество Бальмонта уже нельзя назвать неисследованным, но необходимо проделать большую работу, чтобы появились критически установленные тексты всех его произведений и удовлетворительный комментарий к ним.

---

[1] *Будникова Л. И.* Творчество К. Д. Бальмонта в контексте русской синкретической культуры конца XIX – начала XX века. Монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. С. 10.

[2] *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890–1909. Köln, Wien, 1988. S. 1.

[3] Ibid. S. 2.

П. В. Куприяновский в статье «Некоторые вопросы изучения биографии и творчества К. Бальмонта» обрисовал положение дел на 1993 год так: «В предоктябрьской России Константин Бальмонт был одним из самых популярных поэтов, и о нем тогда же появилась обширная критическая литература»[4]. Критика достаточно бурно откликалась на первые сборники Бальмонта, опубликованные в эмиграции. Затем наступило охлаждение и забвение, вызванные общим убеждением, что поэт исписался и утратил рассудок.

Советское литературоведение, разумеется, по идеологическим причинам не имело возможности заниматься «декадентской» поэзией Бальмонта. В этот период его творчество рассматривалось лишь во вступительных статьях к сборникам избранных сочинений; такие статьи написали Д. Г. Макогоненко[5], Л. А. Озеров[6], В. Н. Орлов[7] и другие. Из более поздних исследователей нужно упомянуть Л. И. Будникову[8], В. В. Бурдина[9], М. Л. Гаспарова[10], Л. Е. Ляпину[11], Н. В. Марьеву[12], И. М. Меркулова[13], Т. Н. Скок[14], Г. В. Цыкунову[15], а также Р. Берда[16] и Ж. Шерона[17].

---

[4] *Куприяновский П. В.* Некоторые вопросы изучения биографии и творчества К. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. П. В. Куприяновский и др. Вып. 1. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1993. С. 14.

[5] *Макогоненко Д. Г.* К. Д. Бальмонт. Жизнь и судьба // *Бальмонт К. Д.* Избранное: стихотворения, переводы, статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко. М.: Правда, 1991. С. 5–20.

[6] *Озеров Л. А.* Константин Бальмонт и его поэзия // *Бальмонт К. Д.* Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост. В. Бальмонт; Вступ. ст. Л. Озерова. М.: Художественная литература, 1980. С. 3–26.

[7] *Орлов В. Н.* Жизнь и поэзия // *Бальмонт К. Д.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Н. Орлова. Л.: Советский писатель, 1969. С. 5–74.

[8] См.: *Будникова Л. И.* Творчество К. Д. Бальмонта в контексте русской синкретической культуры конца XIX – начала XX века. Монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. 447 с.

[9] См.: *Бурдин В. В.* Мифологическое начало в поэзии К. Д. Бальмонта 1890-х – 1900-х годов. Автореферат … канд. филол. наук. Иваново, 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/mifologicheskoe-nachalo-v-poezii-k-d-balmonta-1890-kh-1900-kh-godov (дата обращения: 27.03.18)

[10] См.: *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. 2-е изд., доп. М.: «Фортуна Лимитед». 2001. 288 с.

[11] См.: *Ляпина Л. Е.* Метрический и строфический репертуар К. Д. Бальмонта // Проблемы теории стиха / Отв. ред. В. Е. Холшевников. Л.: Наука, 1984. С. 179–192; *Ляпина Л. Е.* Лирические циклы К. Д. Бальмонта и циклические формы в искусстве серебряного века // Время Дягилева. Универсалии серебряного века: Материалы Третьих Дягилевских чтений.

С 1990-х годов исследования биографии и творчества Бальмонта ведутся главным образом в Ивановском государственном университете, на родине поэта; важнее всего то, что они приобрели постоянную основу. Здесь проходят научно-практические конференции, по итогам которых выпускались сборники статей «Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века»[18], «Константин Бальмонт в контексте мировой и региональной культуры»[19], «Космос Бальмонта: Миры и люди»[20]. В опубликованных в них статьях В. В. Бурдина, Н. П. Крохиной, Т. С. Петровой, Л. Н. Таганова, С. Н. Тяпкова, В. В. Шапошниковой и других литературоведов содер-

---

Вып. 1 / Перм. ун-т; Сост. В. В. Абашеев. Пермь, 1993. С. 88–97.

[12] См.: *Бальмонт К. Д.* Будем как Солнце. Книга символов; *Марьева М. В.* Книга К. Д. Бальмонта “Будем как Солнце”: Эклектика, ставшая гармонией / Послесловие Т. С. Петровой. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2008. 280 с.

[13] См.: *Меркулов И. М.* Особенности творческого пути К. Д. Бальмонта в 1920-е годы // Педагогика искусства. 2010. № 4. С. 276–287; *Меркулов И. М.* Поэтика света и тени в лирике К. Д. Бальмонта. Автореферат … докт. филол. наук. М., 2011. URL: http://www.dissercat.com/content/poetika-sveta-i-teni-v-lirike-kd-balmonta (дата обращения: 20.03.18).

[14] См.: *Скок Т. Н.* «Сонеты Солнца, Меда и Луны» К. Д. Бальмонта как итоговая лирическая книга: мифопоэтика и архитектоника. Диссертация ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 191 с.

[15] См.: *Цыкунова Г. В.* Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта. Автореферат … канд. филол. наук. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/religioznye-i-filosofskie-idei-motivy-obrazy-v-khudozhestvennom-mire-kd-balmonta (дата обращения: 27.03.18)..

[16] См.: *Берд Р., Иванова Е. В.* Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 55–85; *Берд Р.* В. И. Иванов и К. Д. Бальмонт: творческие связи // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии: I научн. чтения, 30 мая 1998 г. М., 1999. С. 74–90.

[17] См.: Письма К. Д. Бальмонта к Дагмар Шаховской / Публ., вступ. заметка и примеч. Ж. Шерона // Звезда. 1997. № 8. С. 15–172; № 9. С. 151–177; Письма к П. Н. Милюкову / Публ. подгот. О. Коростелев, Ж. Шерон // Новый журн. Нью-Йорк, 1999. Кн. 214. С. 158–188; Письмо к З.Н. Гиппиус / Публ. Ж. Шерона // Новый журн. Нью-Йорк, 2000. Кн. 221. С. 137–139; Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину / Публ. Р. Дэвиса, Ж. Шерона // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 22–81.

[18] Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т; Редкол.: П. В. Куприяновский, С. Н. Тяпков и др. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1993–2006. Вып. 1–7.

[19] Константин Бальмонт в контексте мировой и региональной культуры: Сб. науч. тр. по материалам Международной науч.-практич. конференции; г. Шуя, 18 октября 2010 года. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2010. 136 с.

[20] Космос Бальмонта: Миры и люди: Сб. материалов Всероссийской науч.-практич. конференции (XXVII Бальмонтовские чтения; Шуя, 13 июня 2015 года) / Отв. ред. В. П. Океанский. Шуя-Москва: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2016. 124 с.

жатся исследования частных вопросов биографии и творчества поэта: материалы к биографии, публикации писем, изучение творческих и межкультурных связей, прозы, ключевых образов и мотивов в творчестве Бальмонта или поэтики отдельных сборников. Инициаторы работы с наследием Бальмонта П. В. Куприяновский и Н. А. Молчанова стали ведущими бальмонтоведами наших дней. Благодаря издателю О. В. Епишевой состоялись переиздания ряда поэтических книг Бальмонта, перечисленных выше.

По результатам многолетней работы Т. С. Петрова выпустила сборник статей «“Певучая сила” поэта Константина Бальмонта»[21] и монографию «“Из мрака к свету…”: мотив пути в лирике К. Д. Бальмонта»[22], где данный мотив прослеживается в своем развитии от первой до последней поэтической книги. Монография Н. П. Крохиной «Художественный мир К. Д. Бальмонта: поэтика всеединства»[23] представляет собой полное и информативное исследование, где анализируются основные категории и «устои» творчества Бальмонта, ключевые образы и мотивы. В аннотации указано, что «автор обращается к анализу малоисследованного творчества поэта 1920-х гг.»: оно рассматривается как взаимосвязанное единство.

Первая посвященная Бальмонту монография, написанная в соавторстве П. В. Куприяновским и Н. А. Молчановой, – «Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба»[24] – вышла в свет в 2001 году и была отмечена как подлинное событие в литературоведении. Затем последовали книги «Поэт “с утренней душой”: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта»[25], «К. Д. Бальмонт и его литературное окружение»[26] и «Бальмонт»[27].

---

[21] *Петрова Т. С.* «Певучая сила» поэта Константина Бальмонта : сб. ст. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2012. 304 с.

[22] *Петрова Т. С.* «Из мрака к свету…»: мотив пути в лирике К. Д. Бальмонта: Монография. Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2015. 226 с.

[23] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов: Монография. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. 250 с.

[24] *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. 472 с.

[25] *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М.: Индрик, 2003. 464 с.

[26] *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение.

Также Н. А. Молчановой принадлежит монография «“Всю жизнь хочу создать из света, звука…”: вопросы поэтики лирики К. Д. Бальмонта»[28]. В рецензии на книгу «Бальмонт», вышедшую в серии «ЖЗЛ» в 2014 году, отмечается: «Жизнеописание К. Бальмонта, основанное на архивных документах, воспоминаниях современников, дочери Н.К. Бруни-Бальмонт, а также свидетельствах самого поэта, отражает разнообразные сведения обо всех этапах его пути. …В книге содержатся новые сведения об истории фамилии Бальмонт и истоках рода (на основании изысканий внучатой племянницы поэта Т. В. Петровой-Бальмонт); уточнены детали, связанные с произношением фамилии (с ударением на первом или на последнем слоге), о жизни поэта в послереволюционной Москве и отношении к новшествам большевиков (в частности, к реформе орфографии) и др.»[29].

Итак, можно отметить, что в последние годы книги, выпущенные Бальмонтом за границей, довольно часто становились предметом внимания исследователей. Уклон бальмонтоведения в сторону изучения более раннего творчества поэта был преодолен, а заодно было опровергнуто утверждение, порожденное критикой современников, что расцвет таланта этого автора пришелся на первую половину 1900-х годов, затем же Бальмонт не написал ничего заслуживающего внимания.

Несмотря на интерес ученых к творческому наследию Бальмонта, академическое полное собрание его сочинений все еще отсутствует, что является первоочередной проблемой, которая встает при исследовании его творчества. Издание избранных произведений не обходится без произвольного отбора издателя. Поэтические книги Бальмонта – художественное целое, составляющее контекст, который теряется при извлечении отдельных стихотворений,

---

Воронеж, 2004. 198 с.

[27] *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. 352 с. (ЖЗЛ).

[28] *Молчанова Н. А.* «Всю жизнь хочу создать из света, звука...»: Вопросы поэтики лирики К.Д. Бальмонта. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. 168 с.

[29] *Коваленко А. Г., Петрова Т. С.* Константин Бальмонт. Уникальный опыт жизнеописания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2015. № 2. С. 109–110.

особенно без объективных критериев отбора. Лишь «Собрание сочинений»[30] в двух томах, вышедшее в 1994 г., воспроизводит 10-томное собрание стихотворений Бальмонта, изданное «Скорпионом» в 1907–1908 гг. Однако и это издание текстологически не выверено и не содержит комментария.

В последнее время, преимущественно благодаря трудам Н. А. Молчановой, много лет занимающейся творчеством Бальмонта, были переизданы отдельные книги: «Марево»[31] (1922/2004), «Светослужение»[32] (1937/2005), «Мое – ей. Россия»[33] (1923/2009), «Дар земле»[34] (1921/2011) и «Ясень. Видение древа»[35] (1916/2015). Прочие поэтические сборники, вышедшие после 1917 года («Сонеты Солнца, меда и Луны», «Перстень», «Семь поэм», «Песня рабочего молота», «Зовы древности», «В раздвинутой дали», «Северное сияние» и «Голубая подкова»), полностью не переиздавались (лишь книга «Сонеты Солнца, меда и Луны» была перепечатана в Берлине в 1921 году).

Издательство «Книжный Клуб Книговек» в 2010 году попыталось наиболее полно представить творчество Бальмонта, выпустив собрание его сочинений в семи томах. Однако исследователями уже было отмечено, что уровень издания оказался невысоким и оно содержит множество ошибок и опечаток[36]. Более того, представляется маловероятным, что какой-либо издатель в ближайшее время возьмется за работу над наследием Бальмонта после этого собрания, вышедшего совсем недавно. «Сейчас, когда рухнули идеологические преграды, бальмонтовское творческое наследие продолжает отпуги-

---

[30] *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Можайск: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. 830 с.; Т. 2. 702 с.

[31] *Бальмонт К. Д.* Марево: Стихи / Предисл. Н. А. Молчановой. Воронеж: Изд-во ФГУП «Воронеж», 2004. 96 с.

[32] *Бальмонт К. Д.* Светослужение: 1936 г. Август. – 1937 г. Январь: Стихи / Предисл. Н. Молчановой. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. 82 с.

[33] *Бальмонт К. Д.* Мое – Ей. Россия: Стихи, 1923. Иваново: Изд. Епишева О. В., 2009. 78 с.

[34] *Бальмонт К. Д.* Дар земле: Стихи, 1921 / Вступ. ст. А. Романова. Иваново: Изд. Епишева О. В., 2013. 87 с.

[35] *Бальмонт К. Д.* Ясень. Видение Древа / Вступ. ст. Н. А. Молчановой; заключ. ст. Т. С. Петровой; коммент. Н. А. Молчановой и др. Иваново; М.: Издатель Епишева О. В., 2015. 263 с.

[36] См.: *Молчанова Н. А.* Пора «популярить изыски»? // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. № 18 (98). С. 252–255.

вать издателей как своим объемом (35 книг стихов, 20 книг прозы, более 10 тысяч печатных страниц переводов), так и художественной неравноценностью всего написанного»[37], – пишут исследователи его творчества. Отметим, что книга «Марево» включена в состав этого семитомника, но рассматривать ее как источник текста нельзя. Перевод текстов в современную орфографию здесь непоследователен (например, «древния горы» в первом стихотворении книги), в некоторых случаях сохраняются особенности написания Бальмонта, но текстологические принципы никак не прокомментированы. Кроме того, в этом издании нет деления книги на разделы.

Еще одной проблемой является то, что архивы Бальмонта разбросаны по разным библиотекам, собраниям и даже странам. Так, частично утрачена переписка поэта, а изданные письма не собраны воедино. При этом в последние годы публиковалась переписка с отдельными адресатами: Н. К. Бруни-Бальмонт[38], И. А. Буниным[39], П. Н. Милюковым[40], Д. Э. Шаховской[41], И. С. Шмелевым[42] и др. Письма Бальмонта к Е. А. Андреевой-Бальмонт были опубликованы ею вместе с мемуарами о поэте[43]. Наличие данных публикаций несколько упрощает исследования.

Знаменателен выход сборника «Константин Бальмонт глазами современников»[44], составленного и прокомментированного А. Ю. Романовым. В дан-

---

[37] *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Бальмонт. С. 7.

[38] *Епишева О. В., Тяпков С. Н.* Письма К. Д. Бальмонта к дочери, Н. К. Бруни // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7 / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2006. С. 160–176.

[39] Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину / Публ. Р. Дэвиса, Ж. Шерона // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 22–81.

[40] Письма К. Д. Бальмонта к П. Н. Милюкову / Предисл. и публ. О. Коростелева, Ж. Шерона // Новый журнал. Нью-Йорк, 1999. № 214. С. 158–165.

[41] «Мы встретимся в солнечном луче». Письма К. Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926 / Вступ. ст. Р. Берда и Ф. Черкасовой; предисл. С. Шейлз; публ., сост., подгот. текста, примеч. Р. Берда, Ф. Черкасовой. М.: Русский путь, 2014. 624 с.

[42] Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву: письма и стихотворения, 1926–1936 / Подг. К. М. Азадовский и Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, 2005. 430 с.

[43] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания / Подгот. текста, предисл. Л. Ю. Шульман; примеч. А. Л. Паниной, Л. Ю. Шульман. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 560 с.

[44] Константин Бальмонт глазами современников: Сборник / Вступ. ст. Л. Н. Таганова; сост., подгот. текстов, прим. и коммент. А. Ю. Романова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. 976 с.

ном сборнике объединены, по утверждению составителя, *«почти все»* существующие воспоминания о поэте, фрагменты писем и дневников, а также посвящения, подражания, эпиграммы и пародии. Издание снабжено вступительной статьей и солидным справочным аппаратом. А. Д. Романенко принадлежит заслуга переиздания автобиографической прозы Бальмонта и его романа «Под новым серпом»[45]. Важным источником текстов для нашей работы является двухтомный сборник поэзии, переводов и прозы Бальмонта «Несобранное и забытое из творческого наследия»[46], воспроизводящий малоизвестные и зачастую труднодоступные тексты и содержащий комментарий к ним.

Существует и ряд других комментариев к поэзии Бальмонта. Первый из них принадлежит В. Н. Орлову, подготовившему книгу избранных стихотворений Бальмонта в серии «Библиотека поэта»[47]. Он должен быть признан авторитетным, но в нем рассмотрены не все тексты: так, в сборник вошло лишь три стихотворения из книги «Марево».

Ценнейшим источником информации является «Комментарий к произведениям К. Д. Бальмонта»[48], составленный американским славистом В. Ф. Марковым и изданный в Германии. В предисловии к нему говорится: «Комментарий традиционно объединяет сведения о разных публикациях и возможных разночтениях в них с пояснениями к тому, что в таком пояснении нуждается. В последнем комментатор ориентировался на маломальски образованного человека (т.е., не объяснял, что такое самум и кто такие фурии). Иногда даются непрошеные советы по изучению Бальмонта, так как его

---

[45] *Бальмонт К. Д.* Автобиографическая проза / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., примеч. А. Д. Романенко. М.: Алгоритм, 2001. 608 с.

[46] *Бальмонт К. Д.* Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. / Сост., ст., примеч. и коммент. А. Ю. Романова; отв. ред. А. М. Любомудров; вступ. ст. проф. Р. Берда. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2016. Т. 1: Я стих звенящий: поэзия, переводы. 638 с.; Т. 2: Черчу рассказ я: проза. 828 с.

[47] *Бальмонт К. Д.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Н. Орлова. Л.: Советский писатель, 1969. 710 с. (Библиотека поэта).

[48] *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont. 1890–1909. Köln, Wien, 1988. 463 s.; Teil II: 1910–1917. Köln, Weimar, Wien, 1992. 334 s.

стихи – настоящее пиршество для исследователя»[49]. В первом томе рассматривается 16 книг стихов до «Хоровода времен» включительно. Второй том содержит комментарий к пяти книгам 1910-х годов: «Зарево зорь», «Белый Зодчий», «Ясень. Видение Древа», «Сонеты Солнца, меда и Луны», «Песня миров». Таким образом, он охватывает лирику 1890–1917 годов; стихотворения, написанные Бальмонтом после революции, комментарием не затронуты.

В состав сборника «Избранное»[50] под редакцией Д. Г. Макогоненко вошли стихотворения из книг «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь», «Фейные сказки», «Злые чары», а также стихи, не включенные в сборники, переводы, испанские песни и статьи. Комментарий к ним занимает 26 страниц и включает текстологические сведения о публикациях, посвящениях, обстоятельствах издания сборников и отдельных стихов, сведения о пародиях, различные высказывания современников и Бальмонта, а также устанавливает происхождение эпиграфов, цитат, источников сведений (так, указывается, что стихотворение «В глухие дни» имеет своим источником «Историю государства Российского» Карамзина). Реальный комментарий поясняет географические названия, исторические сведения, имена, культурные факты, а также слова, которые комментатор посчитал малоизвестными: например, «скифы», «капище», «глетчер».

В. Крейд, выпустивший в 1992 году два сборника избранных произведений Бальмонта – «Светлый час»[51] и «Где мой дом»[52], – составил исследовательский комментарий к ним, но он неполон в силу формата издания, куда вошли лишь отдельные тексты. В сборнике «Светлый час: стихотворения и переводы из 50 книг» комментарий В. Крейда занимает с. 521–568. Текстологический комментарий указывает, где и когда изданы книги, по какому из-

---

[49] *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890–1909. Köln, Wien, 1988. S. 2–3.

[50] *Бальмонт К. Д.* Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко; Ил. и оф. Н. Е. Бочаровой. М.: Правда, 1991. 608 с.

[51] *Бальмонт К. Д.* Светлый час: Стихотворения и переводы из 50 книг / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1992. 590 с.

[52] *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1992. 448 с.

данию приводится текст, где были впервые опубликованы отдельные стихотворения. Раскрываются биографические подробности, интертекстуальные связи, литературные отсылки, мифологические образы. Реальный комментарий выполняет функцию объяснения таких слов, как, например, амариллис (цветок и литературный образ), глупыш (птица), игрень (конь), Красная горка (праздник), Чимборасо (вулкан). В комментарии также рассматриваются элементы поэтики: лейтмотивы, особенности формы сонета у Бальмонта.

Недавнее переиздание книги «Ясень. Видение древа»[53] включает в себя комментарий, составленный Н. А. Молчановой, Т. С. Петровой, О. В. Епишевой. Он представляет собой герменевтическое толкование содержания стихотворений, сочетающееся с реальным комментарием. Возможно, для поэзии символизма и постсимволизма комментарий такого типа подходит наилучшим образом.

Итак, в настоящее время книги Бальмонта, изданные после 1917 года, еще полностью не прокомментированы. Выбор для исследования сборника «Марево» обоснован тем, что это первая эмигрантская книга стихов Бальмонта. Ее поэтика, до сих пор малоизученная, заметно отличается от других сборников поэта и потому представляет собой особый интерес. **Новизна** работы заключается в системном анализе книги стихов «Марево» как художественного единства в историческом и литературном контексте. **Актуальность** обусловлена устойчивым читательским и научным интересом к творчеству Бальмонта и необходимостью поиска новых принципов комментария.

К **дискуссионным проблемам** относится проблема творческой эволюции Бальмонта, впервые изученная Н. А. Молчановой[54], а также проблема необходимости отбора произведений Бальмонта для публикации. Важна проблема

---

[53] *Бальмонт К. Д.* Ясень. Видение Древа / Вступ. ст. Н. А. Молчановой; заключ. ст. Т. С. Петровой; коммент. Н. А. Молчановой и др. Иваново; М.: Издатель Епишева О. В., 2015. 263 с.

[54] См.: *Молчанова Н. А.* Поэзия К. Д. Бальмонта: проблемы творческой эволюции: Автореферат … докт. филол. наук. Иваново, 2002. 32 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/poeziya-k-d-balmonta-problemy-tvorcheskoi-evolyutsii (дата обращения: 28.09.16).

принципов составления комментария: несмотря на значительный практический опыт в этой области, его теоретическое осмысление недостаточно. Текстологические принципы издания сочинений Бальмонта также не вырабатывались. Имеющиеся в научной литературе сведения о книге «Марево» не структурированы, многие существенные аспекты ее формы и содержания до сих пор не были исследованы.

Основной **проблемой** нашего исследования является специфика книги стихов «Марево» в творчестве Бальмонта с точки зрения ее истории, поэтики и текстологических особенностей.

Объект исследования – поэтическая книга К. Д. Бальмонта «Марево», включающая стихотворения, написанные с 1917 по 1922 год. **Предметом** являются особенности ее историко-литературного контекста и поэтики, обусловливающие выбор соответствующего комментария.

Цели данной работы таковы: исследовать творческую историю поэтической книги Бальмонта «Марево», описать существенные особенности ее поэтики и предложить принципы составления комплексного комментария к тексту.

Для реализации цели выдвинута **гипотеза** о новизне и уникальности поэтики книги «Марево» для Бальмонта и глубокой включенности данной книги в исторический и литературный контекст.

В связи с этим необходимо выполнить следующие **задачи**:

1) Изучить обстоятельства появления книги «Марево», общественную ситуацию, литературный контекст, реакцию эмигрантской критики.

2) Проанализировать такие особенности поэтики книги стихов «Марево», как ключевые темы, мотивы и образы, мифопоэтическая структура, композиция и особенности стихотворной формы.

3) Обозначить проблемы методологии комментирования различных аспектов текста: текстологический, историко-литературный, интертекстуальный – и предложить возможные пути решения этих проблем.

Основным **материалом** для исследования послужила книга «Марево» в переиздании 2004 года[55] (с использованием современной орфографии). Она сохраняет деление прижизненного издания на три раздела, подписи, даты, деление на строфы и т. д., подготовлена Н. А. Молчановой и может служить источником текста, несмотря на отдельные опечатки. Цитаты из книги «Марево» приводятся по указанному переизданию с проверкой по прижизненному изданию[56], из других книг до 1914 года – по «Собранию сочинений» в 2 томах[57], эмигрантских сборников – по современным отдельным переизданиям.

В качестве дополнительных источников привлекаются другие произведения Бальмонта, его критические статьи, эссеистика, письма, воспоминания его современников, различные статьи и монографии о творчестве поэта. Также мы обращались к Синодальному переводу Библии, так как образность «Марева» во многом строится на основе «Апокалипсиса», содержит отсылки и к другим библейским текстам.

Теоретической базой для исследования послужили работы по теории литературы, принадлежащие Б. М. Гаспарову[58], Е. М. Мелетинскому[59], О. В. Мирошниковой[60], И. В. Силантьеву[61], И. В. Фоменко[62] и др., а также работы по интертекстуальности И. В. Арнольд[63], Р. Лахманн[64].

---

[55] *Бальмонт К. Д.* Марево: Стихи / Предисл. Н. А. Молчановой. Воронеж: Изд-во ФГУП «Воронеж», 2004. 96 с.

[56] *Бальмонт К. Д.* Марево: Поэмы. Париж: Франко-рус. печать, 1922. 132 с.

[57] *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Можайск: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. 830 с.; Т. 2. 702 с.

[58] См.: *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука: Издат. фирма «Восточная литература, 1994. 304 с.

[59] См.: *Мелетинский Е. М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту, 1983. С. 115–125; *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

[60] См.: *Мирошникова О. В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика: Монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. 339 с.

[61] См.: *Силантьев И. В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Научное издание. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. 104 с.

[62] См.: *Фоменко И. В.* Поэтика лирического цикла. Автореферат … докт. филол. наук. М.,

Для изучения культурного контекста мы пользовались посвященными Серебряному веку исследованиями Н. В. Налегач[65], А. Пайман[66], С. Д. Титаренко[67], А. Ханзена-Леве[68], Б. Хеллмана[69].

Методологические основы текстологии и комментария были заложены в работах А. Л. Гришунина[70], Д. С. Лихачева[71], С. А. Рейсера[72], Н. М. Сикорского[73], Б. В. Томашевского[74], Б. Э. Эйхенбаума[75]. Наиболее детально в этот

1990. 31 с.

[63] См.: *Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 443 с.

[64] См.: *Лахманн Р.* Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX-XX веков / Пер. с нем. А. И. Жеребин. СПб.: Петрополис, 2011. 400 с.

[65] *Налегач Н. В.* Библейские мотивы и образы в поэзии И. Анненского // Православие – Культура – Образование. Кемерово, 2002. С. 267–272; *Налегач Н. В.* «Поэтика отражений» И. Анненского и феномен поэтического диалога в русской лирике XX века: Монография. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. 259 с.; *Налегач Н. В.* Циклообразующие мотивы в «Разметанных листах» «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 1. С. 31–37.

[66] См.: *Пайман А.* История русского символизма / Пер. с англ. В. В. Исакович. М.: Республика, 2000. 415 с.

[67] См.: *Титаренко С. Д.* Константин Дмитриевич Бальмонт // Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Отв. ред. Б. В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко / Учебно-методический комплекс по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 454–477; *Титаренко С. Д.* «Поэзия ужаса»: метафизика страха у К. Бальмонта // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения: Статьи и материалы междунар. науч.-практич. конф. 3–5 окт. 2003 г. / Под ред. Н. М. Герасимовой, Е. Л. Мадлевской. СПб.: «Пропповский центр», 2004. С. 241–252; *Титаренко С. Д.* «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова: Монография. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 654 с.

[68] См.: *Ханзен-Леве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 511 с.; *Ханзен-Леве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003. 815 с.

[69] См.: *Hellman Ben.* Poets of hope and despair: The Russian symbolists in war and revolution (1914–1918). Helsinki: Inst. for Russ. and East Europ. studies, 1995. 421 p.

[70] См.: *Гришунин А. Л., Опульская Л. Д., Прохоров Е. И.* Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 500 с.; *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 413 с.

[71] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология: краткий очерк. М.: Л.: Наука, 1964. 102 с.; *Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2001. 759 с. (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).

[72] См.: *Рейсер С. А.* Основы текстологии: Учеб. пособие. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.

[73] См.: *Сикорский Н. М.* Теория и практика редактирования: Учебник для вузов по спец. «Журналистика». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1980. 328 с.

[74] См.: *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. М.: Л.: Прибой, 1928.

период были разработаны принципы комментирования художественных произведений XIX века. Обусловлено это в том числе тем, что произведения многих авторов Серебряного века находились под запретом.

Современные исследования в области комментария зачастую становятся междисциплинарными. Являясь, в сущности, практической областью науки, комментирование как часть текстологии в то же время тесно связано с герменевтикой, семиотикой, лингвокультурологией, лексикографией, педагогикой, теорией перевода и другими дисциплинами. Перед текстологией встают новые проблемы, не только практического, но и теоретического характера, которые нашли отражение в работах И. С. Беляевой[76], А. М. Грачевой[77], Н. Ю. Грякаловой[78], Л. В. Зиминой[79], Н. Н. Коробейниковой[80], Д. М. Магомедовой[81], Т. В. Мисникевич[82], А. И. Рейтблата[83], Р. Д. Тименчика[84]. Также мы

---

228 с.

[75] См.: *Эйхенбаум Б. М.* Основы текстологии // Редактор и книга: Сборник статей. Вып. 3. М.: Искусство, 1962. С. 41–98.

[76] См.: *Беляева И. С.* Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма: на материале произведений Владимира Набокова. Автореферат … канд. филол. наук. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/fiktsionalnyi-kommentarii-v-literature-postmodernizma-na-materiale-proizvedenii-vladimira-na (дата обращения: 23.04.18).

[77] См.: *Грачева А. М.* Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей первой волны русской эмиграции (Собрание сочинений А. М. Ремизова) // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона, Е. Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 64–78.

[78] См.: *Грякалова Н. Ю.* Символистский текст: модусы интерпретации (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. С. 112–128.

[79] См.: *Зимина Л. В.* Комментирование художественных текстов. Методологические аспекты. Автореферат … канд. филол. наук. М., 1992. 25 с.; *Зимина Л. В.* Современные издательские стратегии: от традиционного книгоиздания до сетевых технологий культурной памяти. М.: Наука, 2004. 274 с.

[80] См.: *Коробейникова Н. Н.* Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста. Автореферат … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/ontologiya-kommentariya-i-ego-rol-v-ponimanii-inoyazychnogo-khudozhestvennogo-teksta (дата обращения: 23.04.18).

[81] См.: *Магомедова Д. М.* Комментируя Блока. М.: РГГУ, 2004. 111 с.

[82] См.: *Мисникевич Т. В.* Текстологические проблемы издания стихотворного наследия Федора Сологуба: Автореферат … канд. филол. наук. СПб., 2007. 30 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/tekstologicheskie-problemy-izdaniya-stikhotvornogo-naslediya-fedora-sologuba (дата обращения: 19.04.18).

[83] См.: *Рейтблат А. И.* Комментарий в эпоху Интернета (Методологические аспекты) //

ориентировались на принципы издания собраний сочинений Вяч. Иванова и А. А. Блока, разработанные ИРЛИ РАН.

Поскольку данная работа является комплексной, в ней использовалась совокупность научных **методов исследования**: культурно-исторический, биографический, сравнительно-типологический, мифопоэтический, интертекстуальный, а также метод мотивного анализа. Подобный ряд методов применялся при работе над Полным собранием сочинений и писем А. А. Блока: «Метод, объединивший семиотику, мифопоэтику (неомифологизм) и мотивный анализ, в союзе с историзмом и биографизмом академической филологии, оказался подходящим для решения текстологических и комментаторских задач при издании лирики Блока…»[85]

Практическая значимость работы состоит в том, что систематизированные сведения о книге и результаты анализа текста могут быть полезны при подготовке академического собрания сочинений К. Д. Бальмонта. Результаты исследования могут стать основой научного комментария к книге «Марево».

Структура и объем работы обусловлены поставленными целями и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка использованной литературы (113 наименований). В первой главе исследуются обстоятельства возникновения поэтической книги «Марево», ее творческая история. Вторая глава определяет особенности ее поэтики, важные для полного понимания текста. Третья глава обозначает проблемы комментирования и возможные пути их решения, включает методологическое

Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия. НЛО. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/re8.html (дата обращения: 28.04.18).

[84] См.: *Тименчик Р. Д.* Резоны комментария // Новые безделки: Сборник к 60-летию В. Э. Вацуро. М.: Новое литературное обозрение, 1996. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1023239/110/Novye_bezdelki._Sbornik_k_60-letiyu_V._E._Vacuro.html (дата обращения: 25.04.18); *Тименчик Р. Д.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. 776 с.

[85] *Грякалова Н. Ю.* Символистский текст: модусы интерпретации (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. С. 115, 117.

обоснование принципов комментирования и установление источников интертекста. Текст составленного к библейским аллюзиям комментария вынесен в Приложение 1.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КНИГИ «МАРЕВО»

1.1. Революция и эмиграция в судьбе К. Д. Бальмонта

Задачей данной главы является исследование исторического и биографического контекста создания и публикации книги «Марево». Поскольку данная книга лирико-публицистична, открыто выражает идеи и эмоции автора, она не может изучаться отвлеченно от обстоятельств ее появления[86].

Н. П. Крохина выделяет «Марево» как «редкий пример в творчестве Бальмонта книги конкретно-исторической»[87]. Однако, вопреки распространенному мнению о Бальмонте как о поэте, интересующемся только собой, он так или иначе принимал участие почти во всех крупных политических событиях конца XIX и начала XX вв.: был членом революционного кружка в гимназии, присоединялся к общественным возмущениям 1901 и 1905 гг., в начале Первой мировой войны пытался отправиться на фронт братом милосердия. При этом он не примыкал к политическим движениям, выступая самостоятельно – как «революционер духа»[88].

Февральскую революцию Бальмонт встретил восторженно (Р. М. Хин-Гольдовская, например, свидетельствует: «Забегал Бальмонт. Он в экстазе. Не человек, а пламень. Говорит: – Россия показала миру пример бескровной революции»[89]), но затем перешел к ее критике. Его тревога была вызвана пассивностью новой власти, ситуацией на фронте, растущей враждебностью между разными социальными группами. Октябрьскую революцию Бальмонт решительно не принял; как парадоксально выразилась М. И. Цветаева,

---

[86] Наиболее подробные биографические сведения см.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014.

[87] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов: Монография. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. С. 223.

[88] *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Бальмонт. С. 147.

[89] *Хин-Гольдовская Р. М.* Из дневников (Отрывки) // Константин Бальмонт глазами современников: Сборник / Вступ. ст. Л. Н. Таганова; сост., подгот. текстов, прим. и коммент. А. Ю. Романова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 564.

«Бальмонт, как истый революционер, час спустя после революции, в первый час stabilité ее, оказался *против*»[90]. Из прочитанных в юности книг у него сложилось мнение о социализме как об «убогой выдумке человеческого ума, которой может быть суждено на краткий исторический час воплотиться в действительность, чтоб человечество… убедившись, что принудительное обобществление труда есть наихудший вид духовной каторги и наиболее полное осквернение свободы личности и неприкосновенности отдельной души, прониклось наконец предельным отвращением к своему грубому пленению внешним веществом…»[91].

При этом Бальмонт по-прежнему сторонится участия в политических движениях. В статье «Революционер я или нет» (1918) он утверждает свое право на нейтралитет: «Мне глубоко неприятны всякие партийные люди, когда они говорят как партийные. Я думаю, что так и должно быть. Поэт выше всяких партий. Выше или ниже, это там всячески бывает, но во всяком случае – вне»[92]. В нескольких публикациях Бальмонт приводит произошедший с ним на допросе в ЧК показательный случай: «…дама-следователь вопросила меня: “К какой политической партии вы принадлежите?” – я ответил кратко: “Поэт”»[93]. Д. Г. Макогоненко, однако, отмечает, что наиболее близка Бальмонту оказалась партия кадетов[94].

В мае 1918 года был издан сборник стихотворений и публицистических статей «Революционер я или нет». Часть стихотворений из него затем вошла в книгу «Марево» («А теперь», «Маятник», «Снящийся Цветок», «Измена», «Российская Держава», «Свобода Слова», «Неизбежность», «Кровь и Огонь»). Этим сборником Бальмонт проясняет свое отношение к револю-

---

[90] *Цветаева М. И.* Герой труда // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 60.
[91] *Бальмонт К. Д.* Революционер я или нет: [Проза и стихи]. М.: Верфь, 1918. С. 12.
[92] Там же. С. 14.
[93] *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / Сост., предисл., коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1992. С. 276.
[94] *Макогоненко Д. Г.* К. Д. Бальмонт. Жизнь и судьба // *Бальмонт К. Д.* Избранное: стихотворения, переводы, статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко. М.: Правда, 1991. С. 19.

ции – неоднозначное и критичное. Иногда он начинает надеяться, что после всех «безобразий» наступит «новая эра совершенной духовной ясности и всеобъемной ценности для всех сынов человеческих»[95]; он признает, что это – «горькая, запоздавшая расплата за ужасы крепостного права»[96], однако принять происходящее не может. «Дважды и трижды рассудив с своей душою свою жизнь, я знаю, что никогда более я не смогу поверить ни в какую революцию. <…> Три раза я соприкасался с грозой человеческой и был в ней не только зрителем, и трижды я видел, что после нескольких часов гневной правды выползали из недр человеческого духа отвратительные чудовища, изготовители гроз, нарочитые их устраиватели, углубители распада, лжецы, более всего любящие неправосудную власть, основанную на крови, слепоте и лжи»[97].

О жизни Бальмонта в этот период свидетельствует писатель А. П. Ладинский: «В России, перечитывая “Историю” Соловьева, он негодовал на свою страну и как библейский пророк страстно и гневно обличал грехи своего народа»[98]. Порой происходящее вызывало у Бальмонта желание дистанцироваться; так, он пишет Андреевой-Бальмонт: «Мне хочется написать новую книгу стихов, совершенно не связанных с Россией и с действительностью. Мои новые стихи могли бы быть написаны скорее на планете Венера, чем на планете Земля»[99].

В 1920 году Бальмонту удалось получить заграничную командировку с помощью А. В. Луначарского. С отъездом ему помог Ю. Балтрушайтис, служивший в то время в литовском посольстве[100]; из Москвы Бальмонт вме-

---

[95] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания / Подгот. текста, предисл. Л. Ю. Шульман; примеч. А. Л. Паниной, Л. Ю. Шульман. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 506.
[96] Там же. С. 505–506.
[97] *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. С. 220–221.
[98] *Ладинский А. П.* Из «Парижских воспоминаний» (Фрагмент) // Константин Бальмонт глазами современников. С. 264.
[99] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. М., 1997. С. 510.
[100] См.: *Зайцев Б. К.* Бальмонт // Константин Бальмонт глазами современников. С. 321; *Романов А. Ю.* Примечания и комментарии // Константин Бальмонт глазами современников. С. 896.

сте с третьей (гражданской) женой Е. К. Цветковской, дочерью Миррой и А. Н. Ивановой (племянницей Е. А. Андреевой) 25 июня уехал в Ревель (Таллин) через Петербург, затем проследовал в Штеттин (Щецин), Берлин и Париж.

О том, чтобы покинуть Россию, он заговорил раньше и в 1918 году писал Андреевой-Бальмонт: «Как только установятся хоть малые основы нового нашего бытия, мы сможем, и мы должны уехать из России, и единственное достойное для нас – меня, тебя, всех наших близких – место на земном шаре – это Париж. Я не хочу жить в России и не хочу жить, например, в Японии, куда я мог бы уехать хоть сейчас. Мы все хотим Парижа и будем там»[101]. С М. И. Цветаевой Бальмонт говорил о невозможности оставаться: это привело бы к гибели Елены и Мирры («Помрут мои птицы»[102]). Вся семья терпела голод, холод, крайнюю бедность и болезни. В государственных учреждениях Бальмонт не служил, но много писал и хлопотал об изданиях своих книг, чтобы прокормить две семьи: Андреева-Бальмонт и старшая дочь Бальмонта Нина оказались на Урале, где были продукты, но не хватало денег. Ю. П. Трубецкой позже писал об этом: «Ни академические пайки, ни прочие сомнительные блага, сулившиеся ему, его не соблазнили. В голодные годы он продавал свою драгоценную библиотеку, чтобы накормить дочь. Носил воду со двора, колол дрова, топил печь и ненавидел тех, кто распинал его родину»[103].

Однако снова разлучаться с родиной было тяжело. Изначально Бальмонт предполагал вернуться для новой командировки и забрать с собой близких, но ряд его печатных высказываний о большевиках, в частности публикация статьи «Кровавые лгуны»[104], сделал возвращение невозможным. Как утверждают Р. Берд и Е. В. Иванова, выехав за границу, Бальмонт вел себя лояль-

---

[101] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. С. 504.
[102] *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. С. 297.
[103] *Трубецкой Ю. П.* К. Д. Бальмонт (Из литературного дневника) // Константин Бальмонт глазами современников. С. 210.
[104] См.: *Бальмонт К. Д.* Кровавые лгуны // Воля России. 1921. 22 мая. № 29. С. 4–5.

но и позволил себе открыто выступить против советской власти лишь после Кронштадтского мятежа[105]. В итоге поэту пришлось оправдываться и за свой отъезд – перед большевиками, и за якобы сотрудничество с новой властью – перед эмигрантами. С. М. Городецкий выразился об этом инциденте следующим образом: «Анархический Бальмонт напакостил, как котенок, едва перешагнув границу»[106], а Вацлав Воровский в связи с публикацией упомянутой статьи заметил: «Надо быть поосторожнее с несчастными литераторами, а в частности, рекомендациями некоторых наркомов»[107].

И все же Бальмонт не возненавидел новую Россию безоговорочно и неоднократно говорил о желании вернуться на родину, например в письме к И. А. Бунину:

«Мне все грезятся безумные надежды, что обозначится путь, – единственно желанная дорога, – в Москву.

Но знаю сам, что безумно на это надеяться»[108].

Тоску по родине Бальмонт выражает и в письме Андреевой-Бальмонт от 26 декабря 1920 года:

«Я знал, уезжая, что еду на душевную пытку. Так оно и продлится. Что ж, из сердечной росы вырастают большие мысли и завладевающие напевы. Я пишу. Мои строки находят отзвук и будут жить. Меня больше это не радует никак.

Я хочу России. Я хочу, чтобы в России была преображающая заря. Только этого хочу. Ничего иного»[109].

Послевоенная Европа его глубоко разочаровала. В статье «Завтра. *1921.VI.24*» он описывает свои впечатления: «…Европа наших дней – не та свободная благочестная Европа, которую я знал целую, достаточно долгую,

---

[105] О сложившейся ситуации см.: *Берд Р., Иванова Е. В.* Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 55–85. См. также: *Луначарский А. В.* Ответ Ромену Роллану // Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 5. Западноевропейские литературы. Статьи, доклады, предисловия, рецензии (1904–1931). М.: Художественная литература, 1965. С. 529–535.

[106] *Городецкий С. М.* Из статей. Литература и революция // Константин Бальмонт глазами современников. С. 503.

[107] *Воровский В. В.* Из письма В. Р. Менжинскому // Константин Бальмонт глазами современников. С. 498.

[108] Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину / Публ. Р. Дэвиса, Ж. Шерона // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 49.

[109] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. С. 519.

жизнь, а исполненная духа вражды, подозрений, перегородок, преград, равнодушная, бездушная пустыня… <…> Целых шесть лет люди убивали друг друга, хитрили, лгали, возвещали великие обещания, из которых ни одного не исполнили, созидали то тут, то там неправосудные отдельные богатства, превращая убийство и грязь в круглые капиталы, и, без конца, без конца пороча слово недостойным его употреблением, без конца, без предела уходили и уходят в марево духовного оцепенения, в обостренье звериной вражды – страны против страны, народа против народа, класса против класса, мысли против мысли, человека против человека»[110]. Бретань, где Бальмонт прожил более года – с июня 1921 года по октябрь 1922 – и где была закончена книга «Марево», воспринималась Бальмонтом как тихая пристань, противопоставленная в его биографической прозе суетному Парижу.

С 1921 по 1937 годы вышло 13 новых сборников стихотворений и очерков Бальмонта. В первые годы эмиграции он выступал на периодических вечерах, читал лекции в Сорбонне, хлопотал о переиздании своих книг, постоянно публиковал новые произведения в периодической печати, что в первую очередь вызвано было необходимостью добывать средства на жизнь. В письме Бунину от 31 октября 1921 г. Бальмонт писал: «…Хочется спросить, как живете. Да и спрашивать не нужно. Мы все, кажется, живем одинаково, т. е. бодро и с прискорбием, закидывая ветхий невод в очень скупое рыбами море»[111]. Бальмонт был постоянным автором в газете «Последние новости», журнале «Современные записки»; публиковал произведения в газетах «Дни» (Берлин), «Слово», «Звено» (Париж), «Сегодня» (Рига), а также в журналах «Воля России», «Сполохи», «Жар-птица», «Иллюстрированная Россия», «Златоцвет», в альманахах «Окна» и «Записки наблюдателя»[112] и других изданиях.

---

[110] *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. С. 220.

[111] Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. С. 28.

[112] Об изданиях, в которых Бальмонт публиковал произведения в эмиграции, подробнее см.: *Берд Р., Черкасова Ф.* Любовь и изгнание // «Мы встретимся в солнечном луче».

В 1922 году в Москве была выпущена «Песня рабочего молота», сданная Бальмонтом в печать за полгода до отъезда за границу. В этот сборник вошли преимущественно революционные стихи Бальмонта, большая часть которых была написана в 1905 году и в феврале-марте 1917. Позже поэт исключил его из собственной библиографии, так же как «Стихотворения» и «Песни мстителя». Однако эта книга, по всей видимости, скомпрометировала поэта среди эмигрантов. Об этом свидетельствует письмо 15 января 1922 г., рассказывающее о провале поэтического вечера в Ницце, где Бальмонт собирался читать стихи из книги «Марево»: «Прежде всего, мое собственное выступление не имело никакого успеха, если не считать морального успеха перед 30-ю человеками, соизволившими прийти меня слушать. Надо сказать, что, кроме этих людей, несколько десятков еще обещались прийти и обманули. Но я узнал, что местная буржуазия все еще помнит, что кто-то когда-то распустил слух, будто я большевик. Вот Вам и говорите, что брань на вороту не виснет»[113].

Стоит упомянуть, что в эмиграции Бальмонт общался лишь с немногими знакомыми и сторонился политических объединений. Андрей Седых, познакомившийся с Бальмонтом в 1926 году, писал: «Он не любил политики, чуждался ее и, кажется, считал политику ответственной за все свои личные несчастья и за то, что стихов его больше никто не читал»[114].

В книге «Марево» содержится множество библейских аллюзий, что нетипично для Бальмонта. В эти годы в письмах к Андреевой-Бальмонт поэт не менее десяти раз упоминает о том, что постоянно читает Библию (нередко на греческом): Евангелие, послания Апостолов, Апокалипсис. Об этом свидетельствует, например, письмо от 4 февраля 1920 г.: «Прочтя по-гречески

Письма К. Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926; [вступ. ст. Р. Берда и Ф. Черкасовой; предисл. С. Шейлз; публ., сост., подгот. текста, примеч. Р. Берда, Ф. Черкасовой]. М.: Русский путь, 2014. С. 12–14.

[113] Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. С. 36.

[114] *Седых Андрей.* Далекие, близкие… // Константин Бальмонт глазами современников. С. 275.

все четыре Евангелия, я прочел также Апокалипсис, к которому еще вернусь, и Деяния Апостолов. Сейчас только что прочел с наслаждением 1-е и 2-е послания Петра. В них много красоты и внутренней силы. Петр с детства мой любимец в Евангельской повести»[115]; 23 марта 1920 г.: «Читаю апокрифические Евангелия»[116]. Среди прочитанных книг упоминает он также «Повесть временных лет» («летопись Нестора»), «Историю России» С. М. Соловьева, «Божественную комедию» Данте[117].

В очерке «Земля Смерти», вошедшем в книгу очерков «Где мой дом», Бальмонт отмечает современность слов библейских пророков: «Разве не о нас говорил Амос <…>: “Вот, Я придавлю вас, как давит колесница, нагруженная снопами… За то и дал я вам голые зубы во всех городах ваших и недостаток хлеба во всех селениях ваших… Ибо злое это время…” <…> И разве не странно похожи на нашу действительность слова пророка Исайи: “Как сделалась блудницею верная столица! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы… Серебро твое стало изгарью… Князья твои законопреступники и сообщники воров…”»[118].

Интерес Бальмонт к Библии не угасал и далее: вышедший в 1924 году роман «Под новым серпом» содержит большое количество библейских аллюзий и перекликается с творчеством С. Т. Аксакова, любимого прозаика Бальмонта. В 1925 году состоялся совместный вечер Бальмонта и Шошаны Авиват, артистки еврейского театра, на котором поэт произнес слово «Пророки Библии и судьбы русского Духа»[119]. Также Бальмонт сблизился с религиозным И. С. Шмелевым, в некоторой степени влиявшим на его мировоззрение.

---

[115] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. С. 513.
[116] Там же. С. 516.
[117] См.: Там же. С. 500–516.
[118] *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. С. 246.
[119] См.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Бальмонт. С. 295.

Итак, из приведенных фактов и свидетельств можно заключить, что как обстоятельства жизни Бальмонта, так и его мировоззрение после революции претерпели существенные изменения.

1.2. История создания и публикации книги «Марево»

Книга «Марево» составлена из стихотворений 1917–1922 годов. Все стихотворения датированы. Первая часть создавалась с 7 сентября по 28 декабря 1917 года, вторая – с 1 октября 1920 по 21 мая 1921 года, третья – с 24 июля по 11 декабря 1921 года. Три стихотворения содержат указания на место написания (переиздание 2004 года воспроизводит их): «Прощание с древом», открывающее московскую часть, – «Москва»; «В синем храме», начинающее парижскую, а также «Пересветы» в середине второго раздела – «Париж».

Название и состав сборника изменялись в процессе работы. В письме к Бунину, датированном 13 ноября 1921 года, Бальмонт упоминает книгу, состоящую из стихотворений 1920–1921 годов, которую он мог бы немедленно предложить для печати: «В дыме пожаров. (Россия в распятом лике)»[120]. Однако издать ее не удалось, а упомянутые стихотворения вошли в «Марево»[121]. В переиздании последнего сборника Бальмонта «Светослужение» воспроизводится список «Книги К. Д. Бальмонта», составленный самим поэтом и вошедший в харбинское прижизненное издание (1937). В этом списке книга имеет подзаголовок: «Марево. Стихи о растоптанной России. Париж. 1922»[122].

Стихи из первого раздела (1917) Бальмонт не мог опубликовать в советской периодической печати или включить в другую книгу стихов. Лишь часть их вошла в брошюру «Революционер я или нет». В. Крейд приводит сведения о публикации 10 стихотворений в «Русском слове» («Прощание с древом», 1 октября 1917 г.) и «Последних новостях» (с 16 января по 16 но-

---

[120] Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. С. 29.
[121] Там же. С. 67.
[122] *Бальмонт К. Д.* Светослужение / Предисл. Н. А. Молчановой. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. С. 78.

ября 1921 г.)[123]. Это стало одним из факторов, обусловивших художественную цельность «Марева».

В то же время не менее десяти других «политических» стихотворений, написанных Бальмонтом в данный период, не вошло в книгу[124]. Как отмечает Бен Хеллман, «theoretically, Bal'mont, like Briusov, drew a clear line between pure poetry and poems connected with the present moment. His "war poems" were disqualified from inclusion in the main body of his work, as the rational element in them dominated over any spontaneous, impressionistic features… The poet's involvement in history and politics was therefore, even if natural and unavoidable, a step away from his true realm»[125].

По письмам Бальмонта 1922 года можно проследить историю публикации «Марева». 17 сентября 1921 года он справляется у Бунина, что представляет собой издательство «Франко-русская печать»[126]; вероятно, уже тогда оттуда поступило предложение о сотрудничестве. 10 февраля 1922 г. Бальмонт сообщает Бунину, что издатель, Орест Григорьевич Зелюк (1888–1951), владеющий этой типографией, не выплатил половину гонорара: «…В конце концов, у меня возникает подозрение, что Зелюк, прячущийся за анонимной "Presse Franco-Russe", рассмотрев мою рукопись и увидев ее резкий противобольшевистский характер, считает полезным и не печатать ее, а ловким манером приобретя за грош, попридержать в подвале. Это было бы уже и прин-

---

[123] *Крейд В.* Комментарии // *Бальмонт К. Д.* Светлый час: Стихотворения и переводы из 50 книг / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1992. С. 552–553.

[124] См.: *Бальмонт К. Д.* Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. / Сост., ст., примеч. и коммент. А. Ю. Романова; отв. ред. А. М. Любомудров; вступ. ст. проф. Р. Берда. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2016. Т. 1: Я стих звенящий: поэзия, переводы.

[125] *Hellman Ben.* Poets of hope and despair: The Russian symbolists in war and revolution (1914–1918). Helsinki: Inst. for Russ. and East Europ. studies, 1995. P. 137. «… в теории Бальмонт, как и Брюсов, проводил четкую границу между чистой поэзией и стихотворениями, связанными с текущим моментом. Его "военные стихи" были исключены из собрания его сочинений, поскольку рассудочный элемент в них преобладал над стихийными, импрессионистическими чертами… Вовлеченность поэта в историю и политику была, таким образом, при всей естественности и неизбежности, все же отступлением от его настоящей сферы» (перевод выполнен нами).

[126] Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. С. 26.

ципиально любопытно выяснить. Тогда я отдал бы дубликат рукописи другому издателю, а с ним стал бы судиться»[127]. На то же он жалуется Дагмар Шаховской, с которой сблизился в 1920 году: «Мне так хочется поскорее переехать в Париж. Но сейчас я в такой скудости, что у меня едва есть монеты на марки. Пока – все издатели изолгались и обманули меня»[128]; «Зелюк, печатающий мою книгу “Марево”, изрядный плут…»[129].

Однако деньги все же были выплачены, и позже Бальмонт продолжил сотрудничество с этим издателем, на что указывает письмо к Шаховской 20 октября 1922 года: «Ездил к Зелюку. Моя книга “Марево” сначала пошла хорошо, теперь идет тихо, как, впрочем, и все Русские книги. Ни у кого нет денег на книги. Идут лишь Французские книги. Зелюк был очень приветлив со мной и приглашал заходить, сказал, что, может быть, что-нб. придумаем вместе. Но придумать что-нб. довольно трудно. Единственный исход, я полагаю, написать по-Французски что-либо политически-скандалезное. Desta agua no beberé, – этой воды я пить не буду, – как говорят мои честные Испанцы»[130].

Книга «Марево» была напечатана в старой орфографии; реформированная, «идиотская», возмущала Бальмонта. В Москве он согласился печатать новые книги (в частности, «Перстень») в соответствии с реформой: «Я решил passer outre (пренебречь) вопросом орфографии и принять лучше нежеланное правописание, чем литературное молчание неизвестного числа лет»[131], – однако в эмигрантских сборниках вернулся к дореволюционному написанию.

1.3. Критическая рецепция первой эмигрантской книги К. Д. Бальмонта

---

[127] Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. С. 38.
[128] «Мы встретимся в солнечном луче». Письма К. Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926. С. 83.
[129] Там же. С. 86.
[130] Там же. С. 112.
[131] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. С. 420.

Еще до событий 1917 года Бальмонт сочинил несколько десятков политических стихотворений, собранных в книгах «Стихотворения» (1906) и «Песни мстителя» (1907)[132] и почти единогласно признанных современниками крайне неудачными. В. Я. Брюсов, например, высказался о сборнике «Стихотворения» таким образом: «В какой же несчастный час пришло Бальмонту в голову, что он может быть певцом социальных и политических отношений, “гражданским певцом” современной России! <…> Трехкопеечная книжка, изданная товариществом “Знание”, производит впечатление тягостное. Поэзии здесь нет и на грош»[133]. Схожего мнения оказался К. И. Чуковский: «…Почему Бальмонт… отказался от “многопенных” своих “переплесков” и стал сочинять какие-то четырехугольные вирши о знаменах и барабанах?»[134] – и С. М. Городецкий: «Если гражданские стихи В. Брюсова только не были сильны и воодушевлены, то у Бальмонта они, за исключением нескольких гениальных обмолвок («Цусима»), были плохи»[135]. Сочувственно отозвался о сборнике «Песни мстителя» А. В. Амфитеатров, разделявший настроения поэта: «Бальмонт мужественно отбросил цветы и лавры, заслуженные прежним сладким гусельным первозвоном, в котором у него нет соперников, и потянулся обеими руками к терновому венцу революционного поэта, вещуна и пророка русского освободительного движения»[136].

Публикация «Марева» вызвала небольшой, но достаточно заметный резонанс в печати. Собственно критических отзыва на книгу два: статья

---

[132] А. Я. Браиловский высказывает небезынтересное наблюдение: инвективы против Николая II, напечатанные в этой книге, «в удесятеренной мере» могли бы быть применимы к Сталину и красному террору. См.: *Браиловский А. Я.* «Песни мстителя» – через 45 лет // Константин Бальмонт глазами современников. С. 220–222.

[133] *Брюсов В. Я.* Бальмонт. Стихотворения // Весы, 1906, № 9. С. 53–55. Цит. по: *Бальмонт К. Д.* Светлый час: Стихотворения и переводы из 50 книг. С. 539–540.

[134] *Чуковский К. И.* Революция и литература // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6: Литературная критика (1901–1907): От Чехова до наших дней; Леонид Андреев большой и маленький; Несобранные статьи (1901–1907) / Предисл. и коммент. Е. Ивановой. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 390.

[135] *Городецкий С. М.* Три поэта (В. Брюсов, Вяч. Иванов, К. Бальмонт) // Константин Бальмонт глазами современников. С. 502.

[136] Цит. по: *Романов А. Ю.* Примечания и комментарии // Константин Бальмонт глазами современников. С. 842.

З. Н. Гиппиус (под псевдонимом «Антон Крайний») «Бальмонт» и рецензия Г. Д. Гребенщикова, писателя из Сибири, с которым Бальмонт сблизился в эмиграции («Слово», 31 июля 1922 г.). Гребенщиков называет «Марево» «дневником оскорбленной совести» поэта, вобравшего в себя «все муки России, а через нее и скорби мира»[137]. Гиппиус также высоко оценивает значение сборника «Марево»:

«В книге Бальмонта – всечеловеческое страдание, бичи праведного гнева и постоянная молитва.

Поэт-человек Бальмонт, создавший некий Синтез, остается неуязвим. Пусть скажут одни, что это плохое искусство. Не скажут? Пусть другие, которым дела нет до искусства, попробуют сказать, что это плохая политика, попытаются записать его в правые, в левые, еще куда-нибудь? Нет, его “политика” мудрейшая из мудрых, она подсказана ему самой жизнью…»[138].

На эту рецензию Бальмонт откликнулся письмом с благодарностью: «Ваш очерк обо мне в “Последних новостях” доставил мне светлую минуту настоящей радости»[139].

В газете «Слово» было опубликовано замечание Бунина: «На столе стопка новых книг: Ремизова (Господи, до чего может искарежится *(так. – А. Р.)* человек!), “Марево” Бальмонта (много истинно чудесных вещей)…»[140].

Существуют также высказывания современников о стихотворениях Бальмонта, опубликованных в 1917–1920 годах. С большой вероятностью их

---

[137] Цит. по: *Титаренко С. Д.* Константин Дмитриевич Бальмонт // Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / отв. ред. Б. В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко / Учебно-методический комплекс по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 465.

[138] *Антон Крайний.* Бальмонт // Последние новости. 1922. 11 авг. № 710. С. 2.

[139] *Бальмонт К. Д.* Письмо к З. Н. Гиппиус / Публ. Ж. Шерона // Новый журнал. 2000. № 221. С. 137.

[140] *Бунин И. А.* Литературные заметки // Слово. 1922. 28 августа. № 10. С. 2. Цит. по: *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. ст. О. Н. Михайлова; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. С. 143. Об отношениях Бальмонта и Бунина в эмиграции см.: *Молчанова Н. А.* Бунин в поэтическом восприятии К. Д. Бальмонта 1920–30-х годов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. №. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bunin-v-poeticheskom-vospriyatii-k-d-balmonta-1920-h-1930-h-godov (дата обращения: 15.11.17).

оценки относятся именно к тем стихам, которые затем вошли в «Марево». Возможно, стихотворением «Прощание с древом», открывающим книгу и опубликованным 1 октября 1917 года, вдохновился Вяч. Иванов при написании сонета «Бальмонту»:

…За то что ты не чуженин
Из царства грез, но жив одною
С отечеством, заповедною,
Последней волею глубин, —

Люблю тебя. Люблю твой злобный,
Секире палача подобный
Иль меди дребезжащей клич,

И опрометчивого гнева
Взнесенный над главами бич,
И плач на пне родного древа.
14 ноября <1917 г.>[141]

И. Г. Эренбург в статье «На тонущем корабле» (1919), напечатанной в петроградском ежемесячнике «Ипокрена», писал о последних стихах Бальмонта (возможно, тех, что вошли в сборник «Революционер я или нет»): «Бальмонт неоднократно обличал героев Октября. Но вряд ли русская поэзия знает другого поэта, столь замкнутого в свои личные переживания. <…> Передать народное горе он не может, ибо для этого надо взглянуть впервые на мир видящими глазами и найти другой, небальмонтовский язык. В его новых стихах, как и в памятных “Песнях мстителя”, много негодования, резких слов, но нет убедительности»[142]. Сходное высказывание можно найти в книге «Люди, годы, жизнь»: «Его политические стихи с проклятиями революции столь же беспомощны, как “Песни мстителя”»[143].

---

[141] *Иванов Вяч.* Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 66.
[142] *Эренбург И. Г.* На тонущем корабле. Статьи и фельетоны 1917–1919 гг. СПб.: Петербургский писатель, 2000. С. 98.
[143] *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь (Глава из книги) // Константин Бальмонт глазами современников. С. 294.

Отрицательно оценивал новую поэзию Бальмонта Вадим Шершеневич в своих пристрастных воспоминаниях, сравнивая 1905 и 1920 годы: «Тогда он был безвредным эмигрантом. Теперь это эмигрант злобный. Тогда он бежал якобы от царского правительства и, зная, что скоро вернется, молчал в экзотической эмиграции. Теперь, бежав от пролетарской власти и зная, что возврата в СССР нет, Бальмонт шепчет старческие проклятья и пишет одряхлевшей и уже не пишущей рукой бездарные контрреволюционные вирши. Во вторую эмиграцию Бальмонт уехал, обронив по дороге чемодан с талантом»[144].

Первые сборники Бальмонта, изданные в эмиграции, вызывали отклик критики; в 1930-х годах о новых публикациях уже не писали. Поэт и литературовед Г. П. Струве заметил: «О Бальмонте было принято говорить в эмиграции (если не в печати, то в частных разговорах), что он безнадежно исписался. Это едва ли правильно. Вернее было бы сказать, что Бальмонт оставался самим собой, тогда как восприятие того рода поэзии, который он представлял, в корне изменилось»[145]. Писатель М. О. Цетлин писал о 1920–1930-х годах: «Эмиграции жилось тяжело, массе ее было не до стихов. Стихи вообще дело молодежи, эмиграция не интересовалась ими уже просто по возрасту. К тому же по вкусам она была скорее настроена в литературе консервативно, а молодежь забывала русский язык»[146].

Таким образом, ни «гражданская» поэзия, ни позднее эмигрантское творчество Бальмонта не вызывали одобрения критики. Книга «Марево» была принята благосклонно в первую очередь по идеологическим причинам, но в более спокойное время столь заметное изменение стиля, вероятно, могло бы вызвать более пристальный интерес к художественной стороне новых стихотворений.

---

[144] *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910–1925 гг. (Фрагменты) // Константин Бальмонт глазами современников. С. 125.
[145] *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании (Фрагмент) // Константин Бальмонт глазами современников. С. 202.
[146] *Цетлин М. О.* К. Д. Бальмонт // Константин Бальмонт глазами современников. С. 96.

1.4. Литературный контекст: 1917–1922-й годы

Ближайший литературный контекст книги «Марево» представляют произведения писателей, с которыми Бальмонт был связан личными отношениями. Тональность и образность «Марева» перекликается со стихотворениями М. А. Волошина, Вяч. Иванова, отчасти – М. И. Цветаевой и З. Н. Гиппиус, а также с публицистическими выступлениями Д. С. Мережковского, И. А. Бунина и русских религиозных философов.

Наибольшее сходство с «Маревом» обнаруживает книга Волошина – единственного писателя в этом ряду, оставшегося в России, и близкого друга Бальмонта – «Неопалимая купина. Стихи о войне и революции», в особенности циклы «Пути России» и «Усобица». Такие стихотворения, как «Пролог», «Петроград», «На дне преисподней», «Готовность», интерпретируют библейские сюжеты, к которым обращался и Бальмонт. «Кровавая бездна». В стихотворении «Гражданская война» он выражает ту же идею поэтического нейтралитета, что и Бальмонт в «Злой сказке»: «А я стою один меж них // В ревущем пламени и дыме // И всеми силами своими // Молюсь за тех и за других»[147]. «Красная Пасха» представляет сюрреалистичную картину мирового тления, напоминающую ту, что возникает у Бальмонта в стихотворениях «Сумашествие» и «Бездна»:

Фиалки пахли гнилью. Ландыш – тленьем.
Стволы дерев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнем и гноем[148].

Волошин также создает собственную демонологию, рисуя образы бесов и нежити, «демонов глухонемых» и одержимой Руси («Петроград», «Из бездны», «Демоны глухонемые», «Китеж», «Северовосток» и др.), одна-

---

[147] *Волошин М. А.* Собрание сочинений: В 17 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова; коммент. В. П. Купченко. М.: Эллис Лак, 2003. С. 330.
[148] Там же. С. 342.

ко выводит и ряд «личин» – новых социальных типов (Матрос, Большевик, Спекулянт и др.), чего нет у Бальмонта. Отличает книгу Волошина и наличие исторических параллелей – с Французской революцией, Смутой, русскими бунтами. Так, стихотворение «Россия» разворачивает масштабное полотно российской истории со времен Петра-Антихриста: «В болотной мгле клубились клочья марев: // Российских дел неизжитые сны...»[149]. Еще одно отличие состоит в том, что Волошин выражает готовность принять вместе с Россией все испытания как нечто необходимое и неизбежное.

В стихах Цветаевой, с которой Бальмонт наиболее близко общался во время пребывания в Москве, почти не находится текстуальных совпадений. Широко представленная в ее стихотворениях тема Белой армии, а также исторические аллюзии, сходные с волошинскими, у Бальмонта не встречаются. Однако для сопоставления представляет интерес незавершенное стихотворение «Как закон голубиный вымарывая…» («…заморское марево // Русским заревом здесь расцвело», «Встанет – всем Тамерланам на грусть!»[150] – о России), а также «Косматая звезда…» (1921), упоминающее комету (ср. в стихотворении «Кровь и огонь»: «Мчится комета. За ней! Улетим!»[151] (с. 26)).

В поэзии Гиппиус 1917–1921 гг. можно выделить несколько общих с «Маревом» мотивов: в стихотворениях «Тли» и «Глаза из тьмы» появляется мотив ночного размышления и тревожных снов, в «14 декабря 1917 года» – мотив опьянения и образ поруганной Невесты. Стихотворения Гиппиус «Петербург» («В минуты вещих одиночеств…») и «Лазарь» сближает с бальмонтовским «Камнеградом» мотив запустения города и надежды на его возрождение. В «Здесь и там» (1920) обозначается то же противопоставление роди-

---

[149] *Волошин М. А.* Собрание сочинений: В 17 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926. С. 368.

[150] *Цветаева М. И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Стихотворения. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 11.

[151] *Бальмонт К. Д.* Марево. Стихи / Предисл. Н. А. Молчановой. Воронеж: Изд-во ФГУП «Воронеж», 2004. С. 26. (Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках в тексте работы.)

ны и чужбины, что появляется у Бальмонта в стихотворениях «Только», «Пересветы», «Забытый»:

Там – я люблю иль ненавижу,
Но понимаю всех равно:
И лгущих,
И обманутых,
И петлю вьющих,
И петлей стянутых...
А здесь – я никого не вижу.
Мне все равны. И всё равно[152].

В наследии Вяч. Иванова наибольший интерес для сопоставления представляет цикл из семи стихотворений «Песни Смутного Времени», а также статья «Лик и личины России». В стихотворении «Лазарь» все тот же библейский эпизод служит аллегорией смерти и воскресении России: «И Русь моя, и Русь – четверодневна!»[153]. В «Песнях Смутного Времени», как и в «Мареве», важным значением обладает введение профетического дискурса.

В прозаических произведениях 1917–1922 годов, например таких, как «Голый год» Б. А. Пильняка или «Взвихренная Русь» А. М. Ремизова, схожих в нравственной оценке революции и Гражданской войны, но полных реалистических подробностей, достаточно сложно обнаружить сходство с поэтикой «Марева». Однако Я. О. Дзыга в статье «Образ России в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта» проводит параллели с книгой «Солнце мертвых» (1923), с которой Бальмонт познакомился несколько позже: в частности, строки стихотворения «Заснувший страх» «прямо перекликаются с эпопеей Шмелева»[154]. Несмотря на различные принципы отображения событий, произведения двух писателей объединяют «мотивы

---

[152] *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Чертова кукла: Романы. Стихотворения. М.: Русская книга, 2002. С. 464.
[153] *Иванов Вяч.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 77.
[154] *Дзыга Я. О.* Образ России в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 201.

поруганных святынь, греха и семантически связанные с ними мотивы вины, ответственности, сыновнего долга. При этом характер катастрофы осознается писателями в евангельских масштабах…»[155].

Идеи, выраженные Бальмонтом в «Мареве», соотносятся с опубликованными в публицистическом сборнике «Из глубины» (1919) размышлениями С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка. В частности, Франк говорит о «бездне падения» и «самоубийстве великого народа»[156], революции как вихре и «дьявольском наваждении», о необходимости возродиться или погибнуть, но «с ясным сознанием, передав векам и народам внятный, предостерегающий голос погибающего и чистое, глубоко осознанное покаяние»[157]. Аскольдов утверждает, что революции способствуют отделению добра от зла, и, подобно Бальмонту, видит в происходящем Апокалипсис, который должен завершиться духовным возрождением: «…как пришествие Антихриста в силе знаменует собою и близкое торжество Христа, так и все взрывы злых сил в процессе революции являются провозвестниками новых религиозных подъемов и, быть может, даже преображений»[158]. В его рассуждениях возмущение Бальмонта лживостью новой власти находит объяснение: «Ложь и обман, сознательно проводимые и сознательно приемлемые, уродуют и искажают душу, дают роковой уклон самым корням душевной жизни и, являясь более глубоким слоем зла, делаются уже долговечными факторами будущих беззаконий»[159]. Публицистика начала XX века, помимо религиозных источников, восходит к роману «Бесы» и «Дневнику писателя» Ф. М. Достоевского, к которым в прозе рассматриваемого периода обращался и Бальмонт.

Идеологические и текстуальные совпадения обнаруживаются также с публицистическими статьями Д. С. Мережковского, вошедшими в сборник

---

[155] *Дзыга Я. О.* Образ России в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта // Ученые записки Орловского государственного университета. С. 201.
[156] *Франк С. Л.* De Profundis // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Новости, 1991. С. 301.
[157] Там же. С. 303.
[158] *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции // Из глубины. С. 23.
[159] Там же. С. 42.

«Россия и большевизм». Так, в статье «Тройная ложь» (1920) говорится о забвении Бога, опасности, грозящей Европе, лжи, насилии и голоде в России: «Такова тройная ложь большевиков – “мир, хлеб, свобода” – бесконечный голод, бесконечное рабство, бесконечная война – тройное царство дьявола»[160].

Нельзя сказать точно, с какими публицистическими высказываниями современников был знаком Бальмонт. Возможно, здесь проявилась та творческая интуиция, которую отметил у него С. Н. Тяпков: «Поэт не был создателем и разработчиком философско-эстетических конструкций. Он был чутким эхом и фокусирующей линзой, собирающей в яркую поэтическую точку сребровечную радугу <…> при этом своей “поэтической картиной” Бальмонт часто опережал ее “теоретическое обоснование”»[161]. (Кроме всеобщего восприятия революции как Апокалипсиса, интересно отметить исключительно частое употребление слова «марево» в литературе 1900–1920-х гг.)

Таким образом, восприятие исторических событий начала XX века в библейском, апокалиптическом «ключе» было характерно для русской литературы данного периода и особенно для эмигрантской литературы. Фольклорная составляющая книги, которая является продолжением дореволюционных творческих поисков Бальмонта и особенно близка к книге «Злые чары», значительно оригинальнее. Именно она в первую очередь отличает стихотворения из «Марева» от творчества близких Бальмонту поэтов.

Также у Бальмонта и Цветаевой, Гиппиус, Бунина заметно разнятся эмоциональные доминанты. Наибольшее сходство обнаруживается у «Марева» с поэзией М. Волошина и Вяч. Иванова, стремящейся к эпической объективности. Это отражает определенную тенденцию в творчестве Бальмонта, про-

---

[160] *Мережковский Д. С.* Тройная ложь. [Электронный ресурс]. URL: http://merezhkovskiy.lit-info.ru/merezhkovskiy/kritika-mer/rossiya-i-bolshevizm/trojnaya-lozh.htm (дата обращения: 23.03.18).

[161] *Тяпков С. Н.* Некоторые особенности поэтической философии К. Бальмонта (Предварительные замечания) // К. Бальмонт, М. Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. С. 41.

явившуюся в 1910-х годах: так, о книге «Ясень» он с гордостью писал: «Личного стихотворения здесь нет ни одного»[162].

1.5. Книга «Марево» в поэзии К. Д. Бальмонта 1916–1924-х годов

Чтобы вписать книгу «Марево» в контекст творчества Бальмонта, рассмотрим книги, близкие по времени написания и поэтике: «Ясень», «Дар земле», «Мое – ей».

Известно, что Бальмонт намеренно выделял внутренние связи между сборниками в своем творчестве: «От книги к книге, явственно для каждого внимательного глаза, у меня переброшено звено»[163], – причем эти связи осуществлялись не только путем варьирования тем и мотивов, но и за счет выделения доминантных текстов: книги (а также циклы внутри книг) зачастую связаны первыми и последними стихотворениями. В книге «Марево» воспроизведен образ мирового древа в первом стихотворении, и он же возникает в завершающем книгу «Ясень» – «Полночь»:

Зеленое древо нездешнего сева, быть может с Венеры, быть может с Луны,
Цвело, расцветало, качалось, качало, и птицами пело, и реяли сны.
Топор был веселый, жужжащие пчелы летели, бросая свой улей навек.
Удар был упорный, припевно-повторный, и звонкую песню пропел дровосек.
Мы все это знали из дыма печали, из пенья и тленья пылающих дров.
Так будет и с нами, с горящими в Храме, так будет с мирами во веки веков[164].

Стихотворения «Черное зелье», «Из подземелья», «Царевич из сказки» предвещают жуткую и сюрреалистичную образность «Марева»; в них отразилась Первая мировая война. Следующие за ними «Подвижная свеча», «Превозмогшая», «Святый боже» и «Молитва каждого дня» проникнуты христианским духом. Но это лишь небольшая часть книги «Ясень», в основе

---

[162] Цит. по: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Бальмонт. С. 222.
[163] *Бальмонт К. Д.* Из записной книжки / *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Можайск: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. С. 8.
[164] *Бальмонт К. Д.* Ясень. Видение Древа / Вступ. ст. Н. А. Молчановой; заключ. ст. Т. С. Петровой; коммент. Н. А. Молчановой и др. Иваново; М.: Издатель Епишева О. В., 2015. С. 208.

которой лежит «обращение к космическим архетипам»[165].

Над изданным в Париже сборником «Дар земле» (1921) Бальмонт должен был работать одновременно с «Маревом». Как указывают П. В. Куприяновский и Н. А. Молчанова, «в него вошли стихотворения из “Перстня”, неизданной книги “Тропинки огня” и некоторые тексты из “Семи поэм”. Эта книга должна была выйти в московском издательстве в конце января 1920 года»[166]. От «Марева» книга разительно отличается: она написана в традиционной для Бальмонта манере, наиболее широко в нем представлена любовная тема. И все же открывающее «Дар земле» стихотворение «Мать моя» явно перекликается с другим из «Марева» – «Полночь бьет. Один я в целом мире…» – строками «Мать моя, к тебе я с малым даром… <…> Я люблю тебя и в бездне черной, // Я горю, но не сожжен пожаром»[167]. Завершается же книга стихотворением «Примиренье», которое можно назвать программным для эмигрантского творчества Бальмонта:

От тебя труднейшую обиду
Принял я, родимая страна,
И о том пропел я панихиду,
Чем всегда в душе была весна.
<…>
Слава жизни. Есть прорывы злого,
Долгие страницы слепоты.
Но нельзя отречься от родного,
Светишь мне, Россия, только ты[168].

В последовавшей за «Маревом» поэтической книге «Мое – ей: Поэма о России» (1924) преобладает ностальгическая тональность. Открывающее книгу стихотворение «Моя твердыня» выполняет «скрепляющую» функцию, подхватывая мотив спасения: «На дне чистилищ мы, погибая, // Не погибаем,

---

[165] *Молчанова Н. А.* Мифопоэтическая картина мира в книге К. Д. Бальмонта «Ясень. Видение древа» // *Бальмонт К. Д.* Ясень. Видение Древа. С. 4.
[166] *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Бальмонт. С. 269.
[167] *Бальмонт К. Д.* Дар земле: стихи, 1921 / Вступ. ст. А. Романова. Иваново: Изд. Епишева О. В., 2013. С. 7.
[168] Там же. С. 83.

пока – хотим»[169]. Темы книги, довольно разнородные, – природа, Россия в ее идиллическом облике, культура других стран, славянская мифология, любовные мотивы – входят в обычный для Бальмонта круг. В то же время «Поэме о России» присуще определенное своеобразие: «Весь поэтический сборник окрашен в светлые тона – здесь очень много света, “славословий” Солнцу, теплу… Константность световых образов в книге “Мое – Ей” не случайна – после жутких поэтических картин “Марева” Бальмонт впервые в эмиграции создает нежно просветленный лирический облик России…»[170].

Из всех книг, написанных после 1917 года, в «Мареве» наиболее выражены мотивы утраты, тоски по России и те негативные чувства, что вызвала у Бальмонта революция. Далее эта тема и этот комплекс мотивов не задействуются столь обширно. Однако в книги «Мое – Ей», «В раздвинутой дали» переходит тема стремления вернуться на родину, во сне или наяву.

Основные тенденции в творчестве Бальмонта в период эмиграции, выделяемые исследователями, таковы:

1) продолжающееся движение от «импрессионистической стилистики» к «мифопоэтической образности»[171];

2) преимущественное обращение к славянской и собственно русской культуре, мифологии, к теме России.

Вторую особенность отмечают Н. А. Молчанова[172] и Н. П. Крохина. Крохина, например, пишет, что «доминирующей темой третьей части поэтической трилогии К. Бальмонта 1920-х гг. является тема культурно-

---

[169] *Бальмонт К. Д.* Мое – Ей. Россия: стихи, 1923. Иваново: Изд. Епишева О. В., 2009. С. 6.
[170] *Меркулов И. М.* Особенности творческого пути К. Д. Бальмонта в 1920-е годы // Педагогика искусства. 2010. № 4. С. 8.
[171] *Молчанова Н. А.* Поэзия К. Д. Бальмонта: проблемы творческой эволюции. Автореферат … докт. филол. наук. Иваново, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/poeziya-k-d-balmonta-problemy-tvorcheskoi-evolyutsii (дата обращения: 20.12.2017).
[172] См.: *Молчанова Н. А.* «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. Воронеж, 2004. С. 32–52.

исторической памяти, нерушимости вековых устоев русской истории и русского языка, хранителем которых выступает Поэт»[173].

Кроме того, можно отметить переход Бальмонта от творческих экспериментов и поисков к более традиционной поэтике, зафиксированный Р. Бердом и Ф. Черкасовой: «Своей лирикой он уже не старается поражать читателя, вводить новые размеры или темы в русскую поэзию, как это было в годы его высшей славы. Повторяя давно установившиеся формы, размеры и темы, своей лирикой Бальмонт измеряет драматичные исторические события и переживания эстетическим, а значит, и этическим мерилом классической русской культуры»[174].

Из сделанных сопоставлений можно сделать вывод, что предпосылки новой поэтики «Марева» возникают в творчестве самого Бальмонта и, несмотря на ее своеобразие, она является адекватным выражением эмоций, вызванных трагическими событиями войны и революции.

Недовольство эмигрантской критики вызывало то, что Бальмонт пишет так же, как писал раньше, словно ничего не изменилось (например, в рецензиях Ю. Айхенвальда, В. Лурье, а также Адамовича: «Поэт “как ни в чем не бывал”»[175]), но содержание «Марева» доказывает, как глубоко поэт пережил бедствия, постигшие Россию. Он, как справедливо отмечали некоторые критики, лишь оставался верен себе. Бальмонт в годы революции боролся «не только за общечеловеческие ценности, но и за всечеловечность русской культуры. Поэтому в первые годы эмиграции он не только создает новые произведения, но и переиздает свои известные сборники, в которых явствен-

---

[173] *Крохина Н. П.* Мотив «безгранности мира» в поэтической книге К. Д. Бальмонта «В раздвинутой дали» // Космос Бальмонта: Миры и люди: Сб. материалов Всероссийской науч.-практич. конференции (XXVII Бальмонтовские чтения; Шуя, 13 июня 2015 года) / Отв. ред. В. П. Океанский. Шуя-Москва: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2016. С. 31.

[174] *Берд Р., Черкасова Ф.* Любовь и изгнание // «Мы встретимся в солнечном луче». Письма К. Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926. С. 12.

[175] См., например: *Адамович Г. В.* <«В раздвинутой дали» К. Бальмонта> // Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Предисл., подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. С. 319.

на тенденция к мифологизации внутреннего пути человека, к обретению духовных ценностей»[176].

Выводы по главе

Итак, вовлеченность Бальмонта в современную ему жизнь была значительно выше, чем это отражено в критике. Современники свидетельствуют одновременно и об активной гражданской позиции поэта, и о его неприязни к политической деятельности. Эволюция политических взглядов Бальмонта совершалась от народнических к умеренно либеральным взглядам; он неизменно был против любой авторитарной власти. Столкновение с большевизмом разуверило его в возможности изменить что-либо к лучшему революционными методами. Этим объясняется довольно резкий «уклон вправо», произошедший в убеждениях Бальмонта после Февральской революции. В книге «Марево» отразился лишь заключительный этап этой трансформации. Еще заметнее в новых стихотворениях выразились изменения жизненных обстоятельств: трудности эмигрантской жизни, разлука с Россией, ощущение бессилия и забытости. Книга стихов вызвала сочувственный отклик критиков, пребывавших в сходных условиях. Однако ее новизна не была должным образом отмечена и не помешала в дальнейшем повторять утверждение о том, что Бальмонт «исписался».

Связи книги с литературным процессом многочисленны: ее стихотворения находят тематические и образные соответствия в поэзии Волошина, Гиппиус, Иванова, Цветаевой, с русской публицистикой данного периода и отчасти с прозой Шмелева. Наибольшее сходство обнаруживается с поэтами, стремящимися к объективности эпоса в отражении событий. В то же время от других произведений «Марево» отличает фольклорно-мифологическая образность. Сопоставление с близкими по времени создания книгами показывает, что предпосылки новой поэтики «Марева» возникают в творчестве самого

[176] *Титаренко С. Д.* Константин Дмитриевич Бальмонт // Литература русского зарубежья (1920–1940). С. 458.

Бальмонта. Эта книга открывает тему России, главенствующую в эмигрантской поэзии Бальмонта.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОЭТИКА КНИГИ СТИХОВ К. Д. БАЛЬМОНТА «МАРЕВО»

2.1. Жанровые черты лирического цикла в структуре книги

«Марево» представляет собой литературную форму, традиционную для Бальмонта и литературы Серебряного века в целом, – книгу стихов, в которой процессы лирической циклизации достигают своего высшего выражения. Вероятно, первым этот феномен определил В. Я. Брюсов: «Книга стихов должна быть не случайным *сборником* разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов – не более как главы, поясняющие одна другую, которые нельзя переставлять произвольно»[177].

Итак, книга стихов отличается от сборника тем, что едина в замысле и воплощении: это «функционирующая система, где взаимодействие относительно самостоятельных элементов формирует новое качество целого»[178]. Н. А. Молчанова подчеркивает, что поэзии Бальмонта свойственны «отчетливо выраженная циклизация стихов, стремление автора к созданию сборника как единой книги, объединение этих книг переходящими темами, лейтмотивными образами-символами, устойчивыми мифологемами»[179]. При этом у Бальмонта есть собственно сборники стихов (например, «Звенья. Избранные стихи. 1890–1912» (1913), «Светлый час. Избранные стихи» (1921)),

---

[177] *Брюсов В. Я.* Собрание сочинений: В 7 т. / Под общ. ред. П. Г. Антокольского и др. Т. 1. М.: Художественная литература, 1973. С. 604–605.

[178] *Фоменко И. В.* Поэтика лирического цикла. Автореферат … докт. филол. наук. М., 1990. С. 7.

[179] *Молчанова Н. А.* Поэзия К. Д. Бальмонта: проблемы творческой эволюции. Автореферат … докт. филол. наук. Иваново, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/poeziya-k-d-balmonta-problemy-tvorcheskoi-evolyutsii (дата обращения: 20.12.2017).

но и здесь отбор производился самим автором в рамках определенной концепции, а не механически – по внешним признакам.

Книга стихов – это «жанрово-архитектоническая форма, характеризующаяся многосоставностью образа-переживания в структурах полисубъектного типа и эмоционально-образной одноплановостью в моносубъектных образованиях»[180], как определяет ее О. В. Мирошникова. Особенностью этой формы является всеохватность; И. В. Фоменко пишет о ней: «Книга стихов рождается стремлением к максимально полному, исчерпывающему воплощению авторского мировосприятия (разумеется, того периода, который ею представлен) во всех его сложностях и противоречиях. Она претендует быть воплощением целостной личности и/или даже моделью мира»[181]. В самом деле, например, книга Бальмонта «Ясень. Видение древа» (1916) воспроизводит архетипическую модель «мирового древа», а «Марево» – «апокалипсическое видение».

Поэт А. С. Кушнер дал книге стихов удачное образное определение: «это возможность для лирического поэта в обход большого жанра создать связный рассказ о времени»[182]; она дает «слепок с его мыслей и чувств, со всего пережитого им за это время»[183]. «Марево» является именно таким слепком – в большей степени, чем прежние книги Бальмонта, где художественный поиск направлялся только волей поэта. Его монолитность оказалась возможной благодаря исключительной важности событий, поневоле владевших мыслями современников, и творческой продуктивности Бальмонта. С 1917 по 1921 год им было написано множество стихотворений и прозаических произведений, вошедших также в другие книги и сборники или нигде не опубликованных. Они связаны с книгой «Марево» общностью тем, мотивов и образов.

---

[180] *Мирошникова О. В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика: Монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. С. 56.
[181] *Фоменко И. В.* Поэтика лирического цикла. С. 6.
[182] *Кушнер А. С.* Книга стихов // *Кушнер А. С.* Волна и камень: Стихи и проза. СПб.: Издательство «Logos», 2003. С. 38.
[183] Там же. С. 33.

Данная книга отличается от более ранних сборников Бальмонта наличием лишь одного стихотворного цикла – «Часы», куда входит пять стихотворений. Как наметившуюся тенденцию это отмечает Н. П. Крохина: «Бальмонт в поэзии 1920-х гг. отказывается от прежнего принципа циклизации, но демонстрирует совершенное владение самыми разными формами стиха – от венка сонетов до виртуального разнообразия строфических форм»[184]. Уже предыдущие сборники – «Ясень: Видение древа», «Сонеты Солнца, меда и Луны» и «Дар Земле» – не содержали озаглавленных разделов и подразделов, что было характерно для Бальмонта ранее. О «Сонетах…» В. Ф. Марков пишет: «As in his previous book («Ясень». – *А. Р.*) – and this becomes a habit from now on – Balmont does not separate his poems into sections; they do nevertheless fall naturally into groups…»[185].

Деление книги на три части обусловлено в первую очередь хронологией, хотя обретает и дополнительные смыслы. Эта книга скорее интенсивна, чем экстенсивна, в напряженном осмыслении и переживании событий. По классификации, предлагаемой О. В. Мирошниковой, она относится к книгам-циклам, которые представляют собой «сплошное, лишенное рубрикаций, текстовое развертывание авторской системы ассоциативно связанных лейтмотивов, сквозных поэтических оппозиций, коллизий, “слов-звезд”»[186] и обладают «единством настроения».

Далее мы постараемся показать, в чем заключается художественное единство данной книги. Для этого необходимо обратиться к поэтике «Марева». Оговоримся, что под поэтикой мы понимаем свойства отдельного произведения, «систему структурных особенностей данного явления и совокупность

---

[184] *Крохина Н. П.* Мотив «безгранности мира» в поэтической книге К. Д. Бальмонта «В раздвинутой дали» // Космос Бальмонта: Миры и люди. С. 31.

[185] *Markov V.* Balmont: A Reappraisal // Slavic Review. 1969. Vol. 28. № 2. P. 249. «Как в предыдущей книге – что становится с этих пор обычаем, – Бальмонт не распределяет стихотворения по разделам; однако при этом они естественным образом разбиваются на группы» (перевод выполнен нами).

[186] *Мирошникова О. В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. С. 55.

закрепленных за ними смыслов»[187]; «описательную поэтику», по определению Ежи Фарино[188]. В нее входят следующие элементы: «В звуковом строе произведения изучается фоника и ритмика, а применительно к стиху – также *метрика* и *строфика*. <…> В словесном строе изучаются особенности лексики, морфологии и синтаксиса произведения… <…> В образном строе произведения изучаются образы (персонажи и предметы), мотивы (действия и поступки), сюжеты (связные совокупности действий)…»[189]. При изучении конкретного произведения наиболее важной оказывается композиция – взаимное соотношение всех вышеперечисленных элементов.

Таким образом, мы рассмотрим значимые элементы на разных уровнях организации текста и на основе их анализа постараемся понять художественный замысел автора.

2.1.1. Сюжетно-мотивные комплексы и взаимодействие мотивов

Понятие мотива в литературоведении толкуется по-разному. Согласно одной точке зрения, его основной признак – повторяемость; так, Б. М. Гаспаров дает следующую дефиницию: «…В роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно” – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т.д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте…»[190]. Однако для нашей работы кажется более подходящей другая позиция, согласно которой мотив заключает в себе предикативность. Впервые она появляется у А. Н. Веселовского, видевшего в мотиве «простейшую повествовательную

---

[187] *Тамарченко Н. Д.* Поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 182.

[188] *Фарино Е.* Введение в литературоведение: Учебное пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 67.

[189] *Гаспаров М. Л.* Поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 786.

[190] *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука: Издат. фирма «Восточная литература», 1994. С. 30.

единицу»[191]; эти единицы способны объединяться в варьирующиеся сюжеты. Данная теория получила свое развитие в работах Е. М. Мелетинского[192], предложившего структурно-семантическую модель мотива.

Кроме того, мотив в лирике имеет свои особенности. Связность лирического текста «основывается не на принципе единства *действия* (что характерно для фабульно организованного эпического повествования), а на принципе единства *переживания*, или, что то же самое, единства лирического субъекта – при всех его качественных изменениях, при всей присущей ему внутренней событийности»[193]. Как следствие, «в лирике не столько мотивы в их конкретном событийном выражении определяют тему… сколько сама тема выступает основанием для событийного развертывания серии сопряженных с ней мотивов. В последнем утверждении ключевую роль играет понятие серии: в основе лирического текста лежит не нарративная последовательность мотивов, а их тематическая серия»[194]. В традиционном литературоведении такую серийность можно соотнести с принципом лейтмотивного построения повествования, разработанным Б. М. Гаспаровым, при котором «некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами»[195].

Именно мотивы в первую очередь объединяют и группируют рассматриваемые нами стихотворения[196]. Из одного раздела в другой переходят, повто-

---

[191] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика / Вступ. ст. И. К. Горского; сост., коммент. В. В. Мочаловой. М.: Высшая школа, 1989. С. 305. См. также о мотиве: *Силантьев И. В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Научное издание. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999.

[192] См.: *Мелетинский Е. М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту, 1983. С. 115–125.

[193] *Силантьев И. В.* Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Гео, 2011. С. 108.

[194] *Силантьев И. В.* Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. С. 109.

[195] *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. С. 30.

[196] Сходное с книгой «Марево» взаимодействие тем и мотивов, образующих лирический сюжет, обнаружено Н. В. Налегач в цикле «Разрозненные листы» И. Ф. Анненского. См.:

ряясь и комбинируясь, мотивы лжи/обмана, помрачения/опьянения, угрозы, отчаяния, сожаления, утраты, воспоминания, покинутости и ненужности, бессилия, запустения («мерзость запустения»), голода, гибели, борьбы, возмездия и воскресения. Их можно условно разделить на группы (например, исторические, социальные, биографические, религиозные), но не для всех мотивов возможно установить однозначную групповую принадлежность.

Остановимся подробнее на наиболее значительных мотивных комплексах.

Христианские мотивы, и в частности апокалиптические, во многом определяют тональность и образность «Марева». Они и прежде появлялись в творчестве Бальмонта; религия интересовала его не меньше, чем мифология. Андреева-Бальмонт определила отношение поэта к религии как «прирожденный пантеизм»: «Он то взывал к Христу, то к Дьяволу, то воспевал Зло, то Добро, то склонялся к язычеству, то преклонялся перед христианством. Но эти противоречивые начала его не смущали, быть может, потому, что они объединялись в его чувстве космической цельности, мирно уживаясь рядом, выливаясь то в одну, то в другую форму законченного стихотворения»[197].

Биографические причины обращения к христианству уже были нами прослежены; более сложные, онтологические, думается, можно определить словами Н. П. Крохиной: «Есть светлый христианский космизм, софиология жизни и возрождения, детства, любви, мироприятия, благоговения, прославления, чувство храмовости мира. И есть острое чувство катастрофичности мира и жизни, софиология страдания, жертвенности, отчаяния, смерти, любви и гибели. Эти две грани софийного мироощущения обращают к чуду богоявления и ужасу богооставленности, благой вести и крестного пути к ней,

---

Налегач Н. В. Циклообразующие мотивы в «Разметанных листах» «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 1. С. 31–37.

[197] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания / Подгот. текста, предисл. Л. Ю. Шульман; примеч. А. Л. Паниной, Л. Ю. Шульман. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 352–353.

апокалиптики смерти и воскресения. Как писал Н. А. Бердяев, “каждый человек переживает свой личный Апокалипсис”»[198].

В группу христианских входят литургические и пророческие мотивы. Противопоставлены им мотивы диаволические. В «Мареве» возникает не только мотив разрушения, но и мотив возведения царства Сатаны: «Люди строят, духи тоже строят, // В мареве родимая земля» (с. 29), что явным образом перекликается с советской идеологией строительства нового мира.

Эмоциональную доминанту определяют мотивы вечного возвращения и утраченного рая, выделенные в творчестве Бальмонта С. Д. Титаренко и проявившиеся в данной книге особенно ярко[199].

Отличительной чертой книги являются социальные мотивы, нечасто встречающиеся у Бальмонта. Среди них – мотивы голода, слепоты, заблуждения, мотив сострадания к «серым темным мужикам», обусловленный, возможно, прежними народническими взглядами Бальмонта.

Одним из наиболее частотных для Бальмонта является мотив сна. В. В. Шапошникова выделяет в нем множество граней: «несуществование, омертвелость (“навек уснуть”); живой покой природы (“сонная река”); мечта, долженствующая осуществиться (“сон золотой”), особенно в действиях художника, воплощающего свой сон-мечту (“захватим сновиденья”); форма явления иной, иногда грозной реальности (“поразительные сны” с явлением дьявола)»[200]. В «Мареве» этот мотив появляется в следующих стихотворениях: «Снящийся цветок» (сон – вещий кошмар), «Завтра», «Жуть», «Сон», «Сны», «Ночной полет», «Я рад» (сон – смерть), «Кто», «Ночью» (сон – избавление), «Ночная пляска», «Заснувший страх», «Навороженный сон» (сон – видение), «Злой сон». Сон – как бы канал получения информации о том, что

---

[198] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов: Монография. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. С. 30.

[199] См.: *Титаренко С. Д.* Трагическая метафизика Ницше: идея вечного возвращения в поэзии К. Бальмонта и Вяч. Иванова // Соловьевские исследования. Вып. 1 (57). 2018. С. 122–136.

[200] *Шапошникова В. В.* Образы сна в книге Бальмонта «Будем как Солнце» // Космос Бальмонта: Миры и люди. С. 63.

происходит на родине, от которой поэт оторван и не получает вестей. В то же время сон – иносказание, образное отражение событий. Явь и сон могут быть одинаково кошмарны и переходить друг в друга. Со сном связан мотив бессонницы, а также танатологические мотивы.

Когда автор выстраивает композицию без внутреннего деления, возникает интересный эффект: «значимость отдельного стихотворения повышается, стихотворения лепятся “гроздьями, гнездами” (М. Цветаева), линиями лейтмотивов, т. е. циклизуются (возникает имплицитная цикличность)»[201]. В «Мареве» можно выделить такие имплицитные циклы – например, стихотворения «Бесноватые», «Забытая притча», «Неизбежное» и «Актеры Сатаны», следующие друг за другом в третьей части книги, и примыкающее к ним «Несосчитанное»; или «Блуждающая душа», «Сумасшествие», «Хлеба нет», «К братьям», «Лавина», объединенные мотивами голода, запустения: «Сто тысяч ртов сухих. Во взорах темнота. <…> Ни одного снопа для темного овина» (с. 66). Однако действует и противоположный композиционный принцип – чередование, контраст.

В результате смены и взаимодействия мотивов выстраивается лирический сюжет, который можно охарактеризовать как историософский, метафизический. Его определяет Т. С. Петрова в статье «Мотив пути в книге Бальмонта “Марево”»: «Стихи, возникшие в революционной Москве, пронизаны пафосом выбора пути – выбора открытым и честным сердцем… Вторая часть, написанная в Париже (1920–21 гг.), отражает духовную устремленность лирического героя к родине – “чрез мглу разлук”. <…> Именно в этой части книги усиливается мотив противоборства злого и доброго начал… <…> Образный строй <третьей> части основан на библейских реминисценциях и аллюзиях, позволяющих представить трагедию утраты истинного пути России как страницу общечеловеческой не только социокультурной, но и духовной

[201] *Мирошникова О. В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. С. 62.

истории, как осуществление Божественного откровения»[202]. Однако, несмотря на апокалиптичность поэтической картины, книга заканчивается обещанием грядущего восстановления миропорядка.

Н. П. Крохина считает, что сюжет «Марева» – борьба между дьявольскими и божественными силами – мистериальный. Его непременные составляющие – «разрушение изначальной целостности мира – прохождение через страдания, хаос, смерть – обретение высшего знания о тайной сущности мира, воссоединение с божеством и восстановление гармонии»[203]. Такая точка зрения тоже представляется обоснованной.

Итак, тематические серии мотивов выстраивают внутреннее пространство лирической книги, обеспечивая ее эмоциональную и сюжетную цельность.

2.1.2. Система образов

Художественный образ признается «одной из основных категорий эстетики и литературоведения»; прежде всего он обладает «конкретно-чувственной, индивидуально-предметной формой отражения объективной действительности»[204]. Помимо этого, образ творчески пересоздает то явление, которое изображает, и раскрывает в единичном всеобщее. Несмотря на то, что такое определение несколько расплывчато, оно сохраняет свою актуальность в отечественном литературоведении. При этом особенностью символистского образа, несколько отличающей его от традиционного реалистического подхода, основанного на теории мимесиса, является то, что он создается сознанием художника, воспринимающего действительность.

Для Бальмонта характерно использование архетипической и символической образности, а также постоянное повторение и варьирование образов. С этим связаны многочисленные упреки в самоповторениях, однако фактиче-

---

[202] *Петрова Т. С.* Мотив пути в книге Бальмонта «Марево» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. Вып. 2. С. 148–150.

[203] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. С. 191.

[204] *Гиршман М. М., Домащенко А. В.* Образ художественный // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. С. 149.

ски это особенность творчества Бальмонта; В. Марков писал, что она нуждается в отдельном исследовании и не должна расцениваться как недостаток[205].

Образ России в «Мареве» может быть выделен как ключевой в книге[206]. Точнее сказать, он распадается на два образа: Россия «бывшая», идиллическая, и Россия «ставшая» – и выступает в различных воплощениях:

– могучее древо, которому грозит гибель («Прощание с древом»);

– «затуманенный лес» («К обезумевшей»);

– поле, где разгулялась нечистая сила («Видение»);

– завороженная Невеста («Проклятая свадьба»).

В этом образе очевидны литературные аллюзии к стихотворениям о России и поэме «Двенадцать» А. А. Блока, книге «Пепел» Андрея Белого, гоголевской тройке из «Мертвых душ». С. Д. Титаренко отмечает его новизну: «Публицистическая направленность сборника приводит, с одной стороны, к демифологизации традиционного образа России, с другой – формирует новый миф о сатанинском царстве»[207].

России противопоставлена «не-Россия» (Европа) – внешне благополучная, но внутренне пустая цивилизация, которой тоже грозит гибель. Как топосы пространства в «Мареве» фигурируют Москва, Петербург и Париж («Запустение», «Камнеград», «В чужом городе», «Остывший город»), в описании которых заметна ориентация на традиции классической русской и французской литературы.

Визуализируя зло, Бальмонт создает целую серию образов «нелюдей»: «призрак-химера», «в невольной пляске мертвецы», «дьяволы с пожаром в глуби глаз», «хитрый Бесище», «заснувший страх» – «полчища ликующих

---

[205] См.: *Markov V.* Balmont: A Reappraisal // Slavic Review. 1969. P. 261.

[206] Об эволюции образа России в творчестве Бальмонта см.: *Куприяновский П. В.* Родина в поэтическом сознании К. Д. Бальмонта (От мотива и темы к образу России) // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. С. 25–31.

[207] *Титаренко С. Д.* Константин Дмитриевич Бальмонт // Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / отв. ред. Б. В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко / Учебно-методический комплекс по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 467.

личин». Наряду с ними существует понятие «врага» вообще: он никак не характеризуется внешне, но обладает рядом признаков, среди которых главный – ложь. В скобках хочется отметить, что демонологическая тема развивалась Бальмонтом и прежде, и было бы любопытно сравнить «Марево» с более ранними книгами в этом отношении[208].

Кажется, во всех книгах Бальмонта без исключения встречаются также цветы – «важнейший образ мировой красоты, разлитой в мире»[209]. Резко контрастирует с ними образ цветка из стихотворения «Снящийся цветок» – «из садов Сатаны к нам восползшее чудо». Он имеет претекст в стихотворении «Вещий сон» (сб. «Тишина», 1898): «гигантская смертоносная орхидея – символ либидозной энергии – создает притягивающее пространство смерти, воплощая идеи женской телесности как красоту чудовищного…»[210]. Новый образ не обнаруживает ни связи с женственностью, ни противоестественной красоты, однако сохраняет способность «чаровать» запахом, и внутри него – «заразительный гной».

С. Д. Титаренко утверждает, что шокирующими образами «Марева» Бальмонт отчасти предвосхитил сюрреалистическую живопись: «Публицистическая направленность сборника обусловила появление у Бальмонта приемов гротескной гиперболизации и сюрреалистической образности в духе картины С. Дали “Предчувствие гражданской войны” (1936). В стихотворении «Заснувший страх» создаются образы страха как всеобщего “поядения” и “изнасилования”, напоминающие образы картины Дали «Осенний каннибализм» (1936)»[211]. Образность книги также приводит на память картину

---

[208] См.: *Бурдин В. В.* Мифологическое начало в поэзии К. Д. Бальмонта 1890-х – 1900-х годов. Автореферат … канд. филол. наук. Иваново, 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/mifologicheskoe-nachalo-v-poezii-k-d-balmonta-1890-kh-1900-kh-godov (дата обращения: 27.03.18).

[209] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. Шуя, 2013. С. 67.

[210] *Титаренко С. Д.* «Поэзия ужаса»: метафизика страха у К. Бальмонта // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения: Статьи и материалы междунар. науч.-практич. конф. 3–5 окт. 2003 г. / Под ред. Н. М. Герасимовой, Е. Л. Мадлевской. СПб.: «Пропповский центр», 2004. С. 249.

[211] *Титаренко С. Д.* Константин Дмитриевич Бальмонт // Литература русского зарубежья

В. В. Верещагина «Апофеоз войны» (1871). В связи с темой связи литературы и живописи представляется ценным наблюдение Крохиной, указавшей, что «стихотворение “В преисподней” – экфрасис “Демона поверженного” М. Врубеля»[212].

Из вышесказанного можно сделать вывод, согласно которому, «в книге стихов «Марево» ощутимы тенденции глубоко индивидуальные и вместе с тем созвучные европейской литературе и искусству»[213]. Кроме того, здесь неприменимы категории Серебряного века (такие как аполлонизм и дионисийство, например) – это другое искусство, обусловленное изменившимся миром.

2.1.3. Ключевые темы

Пафос первой эмигрантской книги Бальмонта оказывается непривычным: «В “Мареве” Бальмонт, пожалуй, впервые заставил говорить о себе как о поэте трагическом. “Это книга высокого трагизма, и вся она о России”, – отмечает В. Крейд»[214]. В связи с этим обращает на себя внимание аскетичность тематики и пафоса «Марева». Стихотворения строятся вокруг двух ключевых тем: трагедии России и трагедии поэта. В связи с первой проявляется преимущественно эпическое начало, со второй – лирическое.

Тема Родины становится центральной для эмигрантского творчества Бальмонта. «С реальной утратой Родины поэт окончательно осознаёт метафизическую связь с родной страной, которая становится святыней в его позднем творчестве»[215]. Действительно, в следующих книгах Россия предстает в идеализированном виде, но в «Мареве» как непосредственный отклик

(1920–1940). С. 467.

[212] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. С. 206.

[213] *Титаренко С. Д.* Константин Дмитриевич Бальмонт // Литература русского зарубежья (1920–1940). С. 468.

[214] *Молчанова Н. А.* «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. С. 33.

[215] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. С. 189.

на события звучат укор и разочарование: «Разум всей страны глубоко занемог» (с. 23) – и в то же время пронзительная жалость: «В рваных лохмотьях, в дыму без конца, // Бьется ослепшая Мать» (с. 34).

С темой Родины непосредственно связана другая – тема детства, прошедшего «в цветущем затишьи деревни» (с. 21), которая раскрывается в цикле «Часы», стихотворении «Ночью» и др. Н. П. Крохина замечает: «Эта память детства – один из незыблемых духовных устоев поэта в эпоху зыби, пожара и убыли»[216]. Она связана с образом матери, сливающимся с образами Богоматери и России, а также с мотивом утраченного рая.

Показательно, что любовная тема, прежде преобладавшая в поэзии Бальмонта, в «Мареве» практически отсутствует, проявляясь лишь как тоска по близким, «о милых брошенных забота, мысль и мука» (с. 82), дарующая поэту «двойное зрение».

Одной из важнейших в книге является тема творчества как единственного реально доступного поэту действия. Он ощущает себя бессильным, что выражено в стихотворении «Упрекающему меня»: «Рок так пожелал, что здесь напевы тку я, // Но пишу стихи я сломанной рукой» (с. 25). В стихотворениях «Поединок» и «В преисподней» творчество выступает как бесцельный, почти бессознательный процесс:

Пока в моем разбитом теле
Размерно кровь свершает ток,
Я буду думать, пусть без цели,
Я буду звук – каких-то строк. (с. 70)

Однако в стихотворении «Набат» все иначе: поэт произносит «глагол осужденья», и его строки обладают действительной силой: «В них грозный колокол для духов двоедушных. // От звуковой волны порвется злая сеть» (с. 65). Здесь Бальмонт следует литературной традиции, созданной Лермонтовым («Поэт»), Некрасовым («Поэт и гражданин»), продолженной Брюсовым («Кинжал) и утверждающей возможность влияния поэзии на мир.

---

[216] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. С. 77.

К «сильным» местам текста, несущим наибольшую смысловую нагрузку и эксплицирующим тематику книги, относится в первую очередь заглавие. Как отмечает И. В. Фоменко, заголовки, представляющие собой символ или метафору, «обращены к максимально широким ассоциативным полям и как элемент структуры текста играют несколько иную роль по сравнению с названиями, формулирующими тему и/или проблематику»,[217] связывая стихотворения не формально, а общим пафосом. Значение названия книги довольно сложно: «Слово-символ “марево”, встречающееся у Бальмонта и в книге очерков “Где мой дом?”, восходит к славянской мифологии, где слова “мара”, “маруха” обозначают темных духов, населяющих воздух. В контексте книги эссе “Где мой дом?” оно прочитывается как метафора омертвения, оцепенения России и Европы. Кроме того, оно – отзвук “петербургского текста” русской литературы. Призрак, туман, тьма – ведущий лейтмотив книги»[218]. Очевидны параллели в тексте поэтической книги с определением слова «марево», данным В. И. Далем: «Марево – ср. зной, при мутной белизне воздуха, с мрачностью, мглою низших слоев его и малой прозрачности; сухой туман; мрачность при ясной погоде, во время лесных палов стоит марево: воздух, за сотни верст, напитывается дымом, чадом, гарью; солнце стоит мутным багровым шаром, травы блекнут, из болот подымаются вредные испарения, засуха способствует палам и пожарам, являются падежи, повальные болезни, суеверные пророчества о бедствиях»[219].

Для Бальмонта слово «марево» обладает отрицательными коннотациями и связано с потусторонним, мортальным, несет в себе сему обманчивости, наваждения (ср.: «…напевы всех времен // Только стоки в дымный желоб, // Где текут со всех сторон // Миги марев, мертвый звон»[220], а также строки

---

[217] *Фоменко И. В.* Поэтика лирического цикла. С. 25.
[218] *Титаренко С. Д.* Константин Дмитриевич Бальмонт // Литература русского зарубежья (1920–1940). С. 466.
[219] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 2: И–О. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 249.
[220] *Бальмонт К. Д.* Дар земле: стихи, 1921 / Вступ. ст. А. Романова. Иваново: Изд. Епишева О. В., 2013. С. 63.

из стихотворения «Раненый»: «Красное зарево зыбится там, // Белое марево – тут» (с. 34)). В сходном значении это слово появляется в стихотворении Вяч. Иванова из цикла «Песни смутного времени», написанном 31 декабря 1917 года, что отметила Н. А. Молчанова[221]:

Последний плач семнадцатого года!
Исхожены блуждания тропы,
И мечутся отчаявшись толпы –
В трех маревах: Мир, Сытость и Свобода[222].

Все стихотворения также имеют заголовки (у Бальмонта вообще редки стихотворения без названия), создающие концептуальное поле «бедствие»: «К обезумевшей», «Остывший город», «Бесчасье», «Запустение», «Хлеба нет», «Набат», «Лавина»; поле «противостояние врагу»: «Узник», «Раненый», «Поединок», «Следопыт», «Топор», «Железный аркан»; «зло»: «Злая масленица», «Ворожба месяца», «Жуть», «Бесноватые», «Актеры Сатаны», «В преисподней», «Ночная пляска», «Проклятая свадьба», «Заснувший страх», «Навороженный сон», «Злой сон», «Чертов цвет». Можно выделить также такие поля, как «колдовство/ворожба», «сон» и «свет / его отсутствие» («Звездная песня», «Просветы», «Пересветы», «Час бархата» и т.д.).

Особым значением обладают первое и последнее стихотворения книги: «Локализуя тему, обрамляющие стихотворения одновременно начинают указывать и на критерии, которыми руководствуется поэт, формулируют программу, которая развертывается во всей системе стихотворений»[223]. Первое стихотворение – «Прощание с древом» – носит характер пролога: «Это древо в веках называлось Россия, // И на ствол его острый наточен топор» (с. 15); оно вводит мотив угрозы. В последнем – «Железный аркан» – Бальмонт обращается к истории и находит в ней примеры победы над злом, насилием и смертью; книгу завершают строки: «…против тьмы есть витязь звездный, //

---

[221] *Молчанова Н. А.* «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. С. 33.
[222] *Иванов Вяч.* Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 74.
[223] *Фоменко И. В.* Поэтика лирического цикла. С. 21.

Что, давши духу светлый шлем, // Велит, чтоб стала тьма – ничем» (с. 94). На основании этого стихотворения можно сделать вывод, что историософские взгляды Бальмонта обусловлены верой в разумную устроенность вселенной.

Бальмонт привносит в поэзию публицистичность, и определенность нравственной оценки событий отличает эти стихи от его прежней лирики. Но при этом он не призывает бороться с революцией насильственно, что, возможно, связано с ощущением, будто происходящее – противоестественно и должно прекратиться как бы само собой. На первом плане здесь оказывается не политика, а религия, мифология и природа; для этих стихов характерен не историзм, а общечеловечность.

Стихийное у Бальмонта преобладает над культурным, и в «Мареве» революция – стихия, что вызывает у поэта ощущение бессилия. Бальмонт сострадает народу, терпящему лишения, голод, ослепленному и так же, как он, ставшему жертвой: «И они ли были нам врагами? // Не они, а те, чья мысль – вертеп, // Кто для Бога всей душой ослеп» (с. 64). Враги – лжецы, «люди лающего рта» (с. 59), «утопающие во зле» (с. 77) – заодно с Сатаной и потому сами приобретают облик нечистой силы.

Итак, несмотря на новизну темы, поэзию Бальмонта нельзя назвать социальной: «субъект его творчества – человек – предстает не только как существо экзистенциальное, историческое и, наконец, социологическое, но прежде всего данное в вечностном или космическом измерении»[224]. Именно поэтому поэт вновь обращается к мифу.

2.2. Мифопоэтическая картина мира

Для понимания идеи и особенностей поэтики книги «Марево» исключительно плодотворен мифопоэтический анализ, поскольку здесь создается мифологическая модель мира. Художественное обобщение возникает в «Маре-

[224] *Раков В. П., Океанский В. П.* Сплоченность света и мглы // Космос Бальмонта: Миры и люди. С. 6.

ве» благодаря ее использованию, вследствие чего часть стихотворений возможно спроецировать, например, на Смутное время или любой другой сложный исторический период. Мифологизм (как и синтез различных традиций) в целом характерен для модернистского искусства, поскольку «мифология в силу своей исконной символичности оказалась удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса»[225].

Книга «Марево» построена на основе эсхатологического мифа, взятого Бальмонтом в книге Откровения Иоанна Богослова. Однако поэт преобразует его, создавая авторскую вариацию с привлечением элементов других мифологических систем, в первую очередь славянской и скандинавской. Так, библейская саранча и бесы, чудовищная химера и хоровод призраков, цветок из сна – «лепестковый кошмар» (с. 22), персонифицированный голод и бессонница – «ведьма беспутная» (с. 68), «серый волк из угрюмой, давно прозвучавшей нам сказки» (с. 87) одинаково являются порождениями смутного и страшного времени. Бальмонт, известный склонностью к эклектичности, старается найти в мировой мифологии наиболее впечатляющие, должные отразить нечеловеческие действия людей образы. Они, в свою очередь, тоже трансформируются и могут не находить прямого соответствия в аутентичной традиции. В основе этого синтетического соединения лежат представления о космогонии, характерные для русского символизма и носящие «явно небиблейский и дохристианский характер»[226].

В поэтическом мире «Марева» гармония Вселенной нарушена перевесом хаотического начала. При этом, согласно А. А. Ханзену-Леве, «первобытный хаос вызывает немую панику (“ужас”) перед лицом утраты космоса (акос-

---

[225] *Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М.* Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. К–Я / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 62.

[226] *Ханзен-Леве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003. С. 58.

мизма), первоначала без продолжения», оказывается «бесформенной угрозой мирозданию и жизни»[227].

Данные процессы находят внешнее выражение в цветовой символике «Марева», которая создается преимущественно тремя цветами: черным, красным и белым. Красный – цвет крови, пожаров и цвет новой власти: «Пятирогатая кровавая звезда» (с. 83). Он дает возможность еще большей негативизации пространства и времени: «Будет черным цвет, что был чрезмерно ал» (с. 23). Значение черного цвета Ханзен-Леве определяет таким образом: «Наиболее выражена и, пожалуй, выявляется ближе всего ассоциация черного и ночи, где преобладают демонические аспекты угрозы или соблазна. Ночь так же черна, как глубь (бездна) земли, что говорит об абсолютной отдаленности от духа и света, а значит – о “сверх-глубине”, противостоящей высотам сверх-бытия…»[228]. Сочетание багряного и золотого Бальмонт использует, рисуя осень. Белый цвет, с одной стороны, символизирует невинность и святость («Свет избавляющий, белый Христос, // С красною розой в груди» (с. 34)), с другой – является признаком потустороннего или призрачного: «Белой Невестой» Бальмонт называет Смерть. Лишь в картинах прошлого появляются яркие живые цвета; в настоящем даже лес, поля окутаны мраком или покрыты «ржавчиной» пролитой крови.

Одним из наиболее важных мифологических образов, появляющихся в «Мареве», является мировое древо, которое «в известном смысле и в определенных контекстах становится моделью культуры в целом, своего рода “древом цивилизации” среди природного хаоса», организуя космос[229]. Согласно Ханзену-Леве, «архетип *arbor mundi* связывает по вертикали земной мир с небесной, космической сферой и – по оси времени – сцену в Эдеме, происходившую в начале времен (райское древо, древо познания, древо жизни), с жертвенной символикой крестного дерева и с пророческой, апокалип-

---

[227] *Ханзен-Леве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. С. 63.
[228] Там же. С. 468.
[229] *Топоров В. Н.* Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. А–К. С. 404.

тической ролью дерева в конце времен»[230]. В то же время, по мнению Н. А. Молчановой, здесь поэт «сознательно демифологизирует один из центральных символических образов своей лирики – “мировое древо”, наполняет его конкретным национально-историческим содержанием»[231].

Образ мирового древа, как уже было сказано, связывает «Марево» с книгой «Ясень. Видение древа», где ясень имеет прототипом Иггдрасиль из скандинавской мифологии. «Марево» продолжает эту линию, заимствуя отдельные элементы легенды о Рагнарёке: «Исполинский наш молот расколот, // Приближается бешенство вьюг» (с. 16). Любопытно в этом контексте замечание Н. А. Молчановой: «В “Мареве” образ “молота” наполняется откровенно полемичным по отношению к социально-романтическому значению этого образа в советской поэзии смыслом»[232]. Другой мифологический образ – волк, появляющийся в стихотворениях «Маятник», «Заснувший страх», «Видение», – связан с богом войны и нижним миром[233].

Животный мир, кроме волков, представлен также птицами, населяющими мировое древо, – например, мифической «птицей вольности» Стратим. Н. А. Молчанова пишет: «Еще в второй половине 1890-х годов, работая над сборником “Тишина”, Бальмонт впервые обратился к сказочному образу птицы Стратим, воплощающему национальную и космическую Правду… почерпанную из Голубиной книги. Позднее образ этой птицы появится в заключительном разделе книги “Жар-птица” (“Но всех прекрасней меж крылатых / Всемирно-грезящий Стратим”), он же осеняет душу лирического героя поэта высшим знанием о Солнце в книге “Птицы в воздухе”. Теперь лирический герой Бальмонта навсегда прощается с “птицей радости”»[234]. Ее сменя-

---

[230] *Ханзен-Леве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. С. 624.

[231] *Молчанова Н. А.* «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. С. 34.

[232] Там же. С. 35.

[233] См.: *Иванов В. В.* Волк // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. А–К. С. 242.

[234] *Молчанова Н. А.* «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его

ют красный петух, который здесь предстает не вестником наступающего дня, прогоняющим нечистую силу, а, напротив, «перевертышем», буквально представленной метафорой поджога, а также филин, относящийся к хтоническому миру: «…черные или серые (ночные) птицы разносят печальные вести и оповещают о близком конце»[235]. В стихотворении «Злая сказка» неконкретизованная птица оказывается связана с горним миром: «Мир звериный захватил всю землю вплоть. // Только птица пропоет, что жив Господь» (с. 51).

Поэтический мир «Марева» включает в себя и «четверогласие стихий», традиционное в поэзии Бальмонта. Преобладающей в книге является стихия огня, который «выступает одновременно как космогоническая энергия и как апокалиптический (т. е. сотериологически завершающий космогонический процесс, превращающий его в книгу мира) “огненный знак”; под знаком огня открываются ворота потустороннего мира – в день Страшного суда. <…> Чистому пламени небесного огня и соответствующему ему сублимированному огню духа… противостоит деструктивный “огонь земной”, питающийся бессознательным и инстинктивным»[236]. Таким образом, огонь может фигурировать как амбивалентное явление: «…“пламя” часто связывается с “одухотворяющим” эффектом огня, тогда как “пожар” отражает инстинктивно-бессознательный, телесный его аспект»[237] – и в «Мареве» выступает в своей разрушительной ипостаси: «Пламя разучилось ткать светло и ало» (с. 17).

Плодородная земля превращается в пересохшую или заснеженную пустыню: «Нет больше колоса. Бесплодье. Нагота» (с. 66). Она перестает выполнять свою порождающую функцию: «Земля сошла с ума. Она упилась кровью… <…> Дух благостный засох» (с. 62). Также земля представлена в «Мареве» пространством леса и болота. Как та, так и другая зона «в мифопоэтическом мышлении… часто представляет собой переход к нижнему водному

литературное окружение. С. 34.

[235] *Ханзен-Леве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. С. 531.

[236] Там же. С. 277.

[237] Там же.

миру, почти в неизменном виде заимствованному из ирреальной сферы диаволического (подлунного) мира теней и как составная часть мифопоэтического космоса продолжающему существовать в его низшей точке – черной материальности и бессознательности»[238].

Вода присутствует в стихотворениях в виде пересохших или загнивших рек в России, но также является как свободный океан в прибежище поэта. Н. П. Крохина указывает на определенную закономерность: «Морская тема и в итоговых сборниках 1910-х гг., и в поэтических снах о России 1920-х гг. сохраняет обретенную духовно-созидательную силу. У моря поэт всегда находил освобождение…»[239].

Воздух оказывается затуманенным дымом или метелью, небо – по преимуществу ночным. Светила сохраняют обычное для Бальмонта значение. «Солнечное начало в мистериальной поэзии Бальмонта 1920-х гг. утверждается поэтом как твердыня духа. Солнечность утверждает трагический сборник “Марево”: *“Только Солнцу сердце отвечало, / И всегда бежит от тени прочь”*»[240], в то время как лунное начало становится по отношению к нему еще контрастнее: так, «в “Видении” апокалиптического “Марева” экспрессионистский образ мертвой Луны завершает картину *“оскудевшего простора”*, *“мертвых полей”*, *“безлюдья”*:

А луна в высоте – словно лик из застывшего мела,

Словно глаз мертвеца – приоткрыт, но давно не живой»[241].

Итак, можно сделать вывод, что Бальмонт переносит события, происходящие в социуме, на космический уровень, показывая их отраженными во всей природе.

---

[238] *Ханзен-Леве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. С. 634.

[239] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. С. 121.

[240] Там же. С. 101.

[241] Там же. С. 110.

2.3. Субъектная, временная и пространственная организация

Между автором и героем в лирике возможна разная степень сближения, но в «Мареве» лирическое «я» воспроизводит голос автора и присущие ему реалии сознания. Бальмонт не предстает уже ни многоликим, ни экзотичным; в этих стихах нет нарциссизма, эротизма, эстетизма – черт, отмечаемых исследователями его более раннего творчества. Можно заметить, насколько изменился его лирический герой: это поэт-изгнанник, оторванный от всего родного, бессильный и ненужный в чужой стране. Он «не в состоянии ответить на извечные русские вопросы “кто виноват” и “что делать”»[242] и отказывается искать на них ответы, видя свой долг в том, чтобы оставаться верным себе и душевно чистым:

Та звезда, что двигаться не хочет,
Предоставя всем свершать круги,
В поединке мне победу прочит
И велит мне: «Сердце сбереги» (с. 68).

Моральный нигилизм, неразличение добра и зла, всеприятие («Все равно мне, человек плох или хорош, // Все равно мне, говорить правду или ложь…»[243]) сменяются в «Мареве» обращением к этическим ценностям – как религиозным, так и народным. В связи с этим интересно привести замечание В. Я. Брюсова, что Бальмонт даже в стихах 1900-х годов проговаривается – что этические нормы для него все же существуют: «И вот оказывается, что юношеское, бессознательное миросозерцание Бальмонта не изменилось. Его детские, наивные взгляды на добро и зло остались с ним на всю жизнь»[244].

Книга «Марево» в целом моносубъектна (термин О. В. Мирошниковой[245]), хотя в ней есть условно ролевые стихотворения, в которых воспроизводится

---

[242] *Молчанова Н. А.* «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. С. 37

[243] *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Можайск: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. С. 394.

[244] *Брюсов В. Я.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975. С. 262.

[245] *Мирошникова О. В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. С. 58.

некое метафизическое действие – например, битва с врагом, «проклятая свадьба», пляска среди привидений. Однако это не совсем авторские маски – преимущественно они вводятся в хронотопе сна или видения, так что, вероятно, правильнее будет объяснять их появление измененным состоянием сознания лирического героя.

В постапокалиптическом мире «Марева» происходят изменения в бинарных оппозициях, где один член положительный, другой – отрицательный («добро – зло», «белый – черный» и т. п.)[246]. Некоторые члены меняют знак и соотношение: так, инвертируются понятия «близкое – далекое», «восток – запад». Бывшее «своим» разделяется на утраченное и «чужое», враждебное, но при этом «чужое» «своим» не становится. Лирический герой даже оказывается по ту сторону жизни: «Забыт друзьями, убит врагами» (с. 49). В оппозиции «дом – лес» члены уравниваются: бывшая домом Россия превратилась в «затуманенный лес» (с. 16), где обитают «гады», поселившиеся и «в гранитном строгом Камнеграде» (с. 89), откуда изгнан поэт. «Нижний мир» (демонический) прорывается в «мир людей», стирая таким образом противопоставленность. Данные оппозиции формируют художественное пространство книги. Россия и Европа (прямо не называемая) теряют реальные очертания, превращаясь в арену метафизической борьбы света и тьмы, исходящих из амбивалентной «вечной бездны».

Как ключевые пространственные символы во втором разделе книги (хотя они находятся во всех трех разделах) Н. А. Молчанова выделяет «город», «дом», «храм» и «пустыню»[247]. «В “Мареве” город предстает как “чужой” (“В чужом городе”), “весь в извивах зла”, “призрак жизни и страстей” (“Остывший город”), “город около вулкана” (“Завтра”)»[248]. Стоит, однако,

---

[246] О семиотических двоичных противопоставлениях см., например: *Топоров В. Н.* Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. К–Я. С. 161–164. См. также: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. С. 260–266.

[247] *Молчанова Н. А.* «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. С. 35.

[248] Там же. С. 36.

добавить, что Бальмонт совсем иначе изображает Петербург-Камнеград, пусть на время оцепеневший и остывший: «Не город, а напев гранитный», «Столица – мысль, где стержень – Невский» (с. 90). Наконец, «“дом” и “храм” у Бальмонта всегда знаменовали единство архетипов земли-неба, теперь это единство распалось»[249]: «Разве есть еще в России храмы? // Верно, скоро сроют их совсем» (с. 19).

Также мифологизируется в «Мареве» художественное время, признаком чего является «создаваемая *художественной структурой* возможность превращения всего сиюминутного, эмпирически или исторически реального в мире и человеке в отражение или воспроизведение вечных прообразов (т. е. в узнаваемые архаические мотивы)»[250]. Вначале оно кажется не цикличным, как обычно в поэтике Бальмонта, а линейным: утраченного не вернуть, и мир движется к гибели. Поэт чувствует себя очутившимся в «бесчасье». Однако в последней части книги у него появляется вера в высшую мировую справедливость: «Вселенная живет не ради // Пролитья крови, как потоп. // Знак духа – побежденный гроб» (с. 91), что перекликается с его публицистическими высказываниями о том, что власть большевиков будет рано или поздно свергнута. Кроме того, Бальмонту напоминает о вечном возрождении природа:

Но вот, хоть силен был поджог,
Хоть с четырех, со всех сторон,
Он все же леса сжечь не мог,
И снова сосен нежен звон. (с. 69)

Таким образом, категория прошлого появляется исключительно со знаком «+», оно идеализируется, в то время как настоящее характеризуется отсутствием всего положительного: «Я был. Любил. Я жил. Когда-то» (с. 51), а будущее представляется Бальмонту неоднозначным, неясным, но потенциально

---

[249] *Молчанова Н. А.* «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. С. 36.
[250] *Фаустов А. А.* Мифопоэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. С. 125.

ведущим к восстановлению светлого прошлого: «Гори, расцвечайся и верь. // Ты выжжешь к грядущему дверь» (с. 50). Интонация надежды становится уверенной в конце третьего раздела, особенно в стихотворениях «Мысль», «Камнеград», «Железный аркан».

Календарное время в книге – осень и зима, периоды упадка, холода и темноты: «Будет ливень, будет грязь, // Меж сердец порвется связь. <…> За истекшими минутами // Глянут вьюги, станут лютыми» (с. 21). По датировкам можно определить, что Бальмонт действительно обращался к работе над «Маревом» преимущественно с сентября по декабрь в 1917, 1920 и 1921 годах. Однако в воспоминаниях и грезах поэт возвращается в благодатное лето на родине.

Ночное время в «Мареве» имеет особое значение: как минимум в 28 стихотворениях действие происходит ночью. С одной стороны, ночь символизирует темный период истории, поскольку «пригодна для проявления всевозможных темных, подсознательных и бессловесных инстинктов»[251]. С другой стороны, данное время суток выступает у Бальмонта как время для раздумья и воспоминаний, когда измученная душа может отдохнуть: «Благо душе человека, что есть и часы темноты» (с. 50); при этом сон легко может превратиться в кошмар.

2.4. Особенности стихотворной формы и композиция

Замысел данной книги нашел соответствующее выражение и в форме. По замечанию Н. П. Крохиной, «в этой наоборотной апокалиптической реальности конца поэтическая ткань Бальмонта лишается своей прежней музыкальности»[252].

Нами было выявлено, что в «Мареве» Бальмонт пользуется следующими стихотворными размерами: хореем написано 22 стихотворения из 94, ямбом

---

[251] *Ханзен-Леве А. А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. С. 364.

[252] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. С. 195.

– 50; дактилем – 6, амфибрахием – 5, анапестом – 9; дольником – 2. Таким образом, ямб составляет более половины случаев, а общий процент трехсложных размеров – почти 20 %. Выявленная метрическая структура книги соответствует семантическому ореолу метра – гневному и патетическому звучанию ямба и размеренной, печальной интонации трехсложных размеров. Интересно, что, например, стихотворения «Топор» и «Чертов цвет», написанные четырехстопным хореем, действительно соотносятся с фольклором. Довольно часто употребляется цезура, характерная для творчества Бальмонта в целом.

Встречаются следующие виды рифмовки: смежная рифма – 3 стихотворения, кольцевая – 2, перекрестная – 56. В книгу вошло 17 сонетов с катренами вида abba и различно варьирующимися терцетами. В ней есть также 13 других строфических вариаций: среди них терцеты, секстины, пяти- и шестистишия; довольно необычны строфы с рифмовкой xxxaxxxa, AAAbAAAb, aBBBaa, ABAcDDBc. Кроме того, находятся три случая астрофического строения (к ним относится «Камнеград»). В нескольких стихотворениях появляются рефрены.

Преобладает чередование женской рифмы с мужской – 37 стихотворений; мужской и женской – 8. Стихотворений исключительно с мужской рифмой – 12, только женской – 4. Дактилическая рифма встречается 4 раза.

Звукопись в «Мареве» почти не применяется, кроме единичных случаев («Ходит холод-лиходей» (с. 86) – имитация дыхания на морозе). Среди синтаксических особенностей стоит отметить случаи парцелляции, имитацию отрывистой речи в отдельных стихотворениях, цепочки однословных назывных предложений: «Но я не мертвый. И я не в склепе. // Я звук. Я песня. Я жуть. Беда» (с. 46); «Я был. Любил. Я жил. Когда-то» (с. 51) и др.; стихотворение «Хлеба нет» построено на этом приеме. Многочисленные примеры подобных строк, появлявшихся в предыдущих книгах Бальмонта, приводит В. Ф. Марков в статье «Balmont: A Reappraisal»[253].

[253] *Markov V.* Balmont: A Reappraisal // Slavic Review. 1969. P. 250.

Как один из ведущих приемов «Марева» нужно отметить контраст: между воспоминаниями о детстве и одиночеством изгнания, прежней прекрасной Россией и оставленной опустошенной страной, между теми, кто сохранил нравственные заветы, и теми, для кого нет ничего святого.

Итак, из наблюдений следует, в книге «Марево» преобладает простая форма: четверостишия с перекрестной рифмовкой и чередованием женской и мужской рифмы. Бальмонт не экспериментирует здесь со стихом: нет причудливой строфики, венков сонетов, сверхдлинных строк, нарочитой аллитерации – всего, чем он запомнился публике 1900-х годов и что было бы неуместно в этой трагической книге. (Интересно, что даже обложка книги столь же сдержанна: она сероватого цвета и, кроме выходных данных, содержит лишь крошечную виньетку.) В стихотворениях, вошедших в «Марево», Бальмонт пользуется привычными и даже традиционными приемами. При этом, например, в книге «В раздвинутой дали» (1929) поэт возвращается к довольно изощренной технике. Образность в «Мареве» богаче формы, и именно она несет в себе новаторство, обретая в 1920-х годах, как уже было отмечено, «невиданную прежде экспрессивность, даже сюрреальность»[254]. В целом наиболее близкой к «Мареву» оказывается образность «Злых чар» – книги, своеобразно соотносящейся с «Песнями мстителя», «полной заклятий против демонов, терзающих Россию»[255], по определению В. Ф. Маркова.

Особым значением обладает структура книги: 15 – 30 – 45 стихотворений (в единственный цикл «Часы» входит 5 стихотворений). У частей нет названия, стихи сгруппированы по месту и времени написания (1917, Москва – 1920–1921, Париж – 1921, Бретань). В то же время Бальмонт явно тщательно отбирал стихотворения для этого сборника, что доказывается пропорциональностью частей, и выстраивал композицию, реализующую принцип своеобразного эмоционального нарастания.

---

[254] *Крохина Н. П.* Мотив «безгранности мира» в поэтической книге К. Д. Бальмонта «В раздвинутой дали» // Космос Бальмонта: Миры и люди. С. 32.

[255] *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont. 1890–1909. Köln, Wien, 1988. S. 283.

Выводы по главе

Таким образом, книгу «Марево» как цельное произведение образуют общность образности и стилистики стихотворений, лейтмотивное построение текста, лирический герой, наличие сквозного сюжета и художественный принцип преобразования исторической реальности в мифопоэтическую.

Рассматриваемые стихотворения объединяются посредством мотивов (лжи, отчаяния, утраты, воспоминания, бессилия, запустения, гибели, борьбы, возмездия, воскресения и т. д.), которые повторяются и комбинируются, образуя в некоторых местах имплицитные циклы. В результате их смены и взаимодействия выстраивается историософский метафизический сюжет, что отличает «Марево» от всех других книг Бальмонта.

Для творчества Бальмонта характерно использование архетипической и символической образности. Образ России может быть выделен как ключевой в книге. Создавая демонологию «Марева», Бальмонт заимствует из славянской и мировой мифологии образы, которые должны отразить нечеловеческие действия людей. Сюрреалистичная образность показывает причастность поэзии Бальмонта к современному ей европейскому искусству.

В книге «Марево» создается мифологическая модель мира, благодаря чему достигается художественное обобщение. Бальмонт переносит события, происходящие в социуме, на космический уровень, показывая их отраженными во всей природе. В постапокалиптическом мире «Марева» происходят изменения в семиотических бинарных оппозициях («свое – чужое», «близкое – далекое» и т. п.), формирующих художественное пространство книги. Художественное время также мифологизируется, представая вместо линейного цикличным.

Из стиховедческого анализа ясно, что в книге «Марево» преобладает простая форма: четверостишия с перекрестной рифмовкой и чередованием женской и мужской рифмы. Бальмонт не экспериментирует здесь со стихом. Образность в «Мареве» богаче формы, и именно она является новаторской.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТИРОВАНИЯ КНИГИ СТИХОВ «МАРЕВО»

3.1. Методологические проблемы комментария

Глава посвящена ключевым особенностям составления комментария, необходимого для научного издания книги «Марево», а также установлению основных источников интертекстов, аллюзий и реминисценций, содержащихся в книге. В данном разделе мы постараемся обобщить существующие теоретические разработки по методологии комментирования и выделить наиболее релевантные для данной работы положения, а также акцентировать неоднозначные и сложные вопросы комментирования поэзии Бальмонта и предложить возможные пути их решения.

Согласно «Литературному энциклопедическому словарю», комментарий – это «жанр филол<огического> исследования, толкование, разъяснение текста лит<ературного> памятника»[256]. Комментарий имеет метатекстуальную природу и, как правило, входит в затекстовый справочный аппарат издания. Его функцию И. А. Пильщиков обозначает так: «Именно комментарий обеспечивает непрерывность традиции: трансляцию и ретрансляцию культуры»[257]. Р. И. Розина отмечает: «В своем “нижнем” пределе – раскрыть семантику языковых единиц – цель комментария совпадает с целью толкового словаря языка. В своем “верхнем” пределе – обеспечить понимание семантики текста в целом – цель комментария совпадает с целями некоторых специальных текстов, представляющих интерпретации комментируемого текста, начиная с предисловия и кончая монографическими исследованиями отдельных аспектов текста»[258].

---

[256] Комментарий // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 163.

[257] *Пильщиков И. А.* Тибулловы элегии в переводе Батюшкова: материалы для академического комментария // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова / Отв. ред. В. Н. Топоров; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Наука, 2006. С. 267.

[258] *Розина Р. И.* О комментарии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М.: Наука, 1988. С. 259.

Классификации комментариев основаны, как правило, на различении типов приводящихся сведений. Первую из них представил Б. В. Томашевский, предложивший следующие рубрики: 1) историко-текстовой и библиографический; 2) редакционно-издательский (мотивирует выбор текста); 3) историко-литературный; 4) критический; 5) лингвистический; 6) литературный (поэтика произведений); 7) «реальный», или исторический комментарий[259]. Согласно наиболее распространенной типологии Н. М. Сикорского, которой придерживаются составители академических изданий классиков, комментарий разделяется на текстологический, историко-литературный, реальный, словарный (лингвистический)[260].

В современной текстологии предлагаются и альтернативные классификации. Так, И. А. Пильщиков перечисляет восемь разделов, которые необходимы в комментарии художественного текста: текстологический комментарий, перевод иноязычных текстов и пересказ содержания (имеется в виду точный прозаический перевод), лингвистический, стиховедческий, историко-литературный, реальный комментарий, рецептивная история и библиографический аппарат[261]. Л. В. Зимина в своей динамической классификационной системе в дополнение к «исторически сложившимся» видам предлагает биографический, психоаналитический, культурологический и семиотический, литературно-поэтический комментарии[262]. И. С. Беляева выделяет как особый тип фикциональный комментарий, являющийся составной частью художественного текста и подчиняющийся его внутренним законам[263].

---

[259] *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. М.-Л.: Прибой, 1928. С. 198.

[260] *Сикорский Н. М.* Теория и практика редактирования. Учебник для вузов по спец. «Журналистика». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1980. С. 288–291. Подробнее см.: *Гришунин А. Л., Опульская Л. Д., Прохоров Е. И.* Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 407–462.

[261] См.: *Пильщиков И. А.* Тибулловы элегии в переводе Батюшкова: материалы для академического комментария // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. С. 270–274.

[262] *Зимина Л. В.* Комментирование художественных текстов. Методологические аспекты. Автореферат … канд. филол. наук. М., 1992. С. 22.

[263] См.: *Беляева И. С.* Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма: на материале произведений Владимира Набокова. Автореферат … канд. филол. наук. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/fiktsionalnyi-

Вариативность классификаций дает возможность индивидуального подхода к каждому автору и изданию. Так, литературно-поэтический комментарий, предложенный Л. В. Зиминой и предполагающий дешифровку художественных приемов, может быть добавлен в полном собрании сочинений Бальмонта к общепринятой классификации ввиду исключительного разнообразия формы его стихотворений. Отметим, что книги стихов Бальмонта разных периодов творчества в целом требуют творческого подхода комментатора, поскольку имеют свои особенности.

При анализе теоретических работ можно выделить повторяющиеся методологические положения, наиболее важным из которых является контекстуальный принцип комментария. Так, Томашевский утверждает: «Комментатор никогда не должен упускать из виду интересов понимания объясняемого произведения. В идеальном случае это должно быть единственным предметом комментария…»[264] По определению Розиной, комментарий – это «словарь, вся информация в котором предназначена для понимания только одного, комментируемого текста»[265]. В свою очередь, чаще всего встречающимся недостатком комментариев оказывается приведение общих сведений о поясняемом факте и отсутствие при этом данных, необходимых для понимания смысла текста – при том, что «важнейшим признаком комментария во всех его видах является не разрыв с повествованием, а синсемантичность, зависимость от комментируемой информации»[266].

Второй основополагающий принцип, вытекающий из первого, – исследовательский характер комментария. Именно по этому признаку А. Э. Мильчин разделяет понятия комментария и примечания, зачастую рассматриваемые как синонимичные: «…если примечание ограничивается только справкой, то комментарий обязательно добавляет к любой справке толкование сообща-

---

kommentarii-v-literature-postmodernizma-na-materiale-proizvedenii-vladimira-na (дата обращения: 23.04.18).

[264] *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. С. 202.

[265] *Розина Р. И.* О комментарии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. С. 264.

[266] *Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 265.

емых сведений под углом зрения раскрытия авт<орского> замысла, авт<орской> концепции произведения»[267].

Как третий принцип можно выделить объективность: «Комментарий не имеет права быть субъективным – т.е. непосредственно отражать те или иные предпочтения комментатора (идеологические, эстетические, этические и т.п.»[268]. С данным принципом связан вопрос о границах творчества, предоставляемого комментатору. «Авторский» комментарий – такой как, например, комментарий В. В. Набокова к «Евгению Онегину» – при бесспорной филологической ценности не может быть использован в издании научного или академического типа и лучше подходит для отдельного издания. Комментарий В. Ф. Маркова к стихотворениям Бальмонта относится к этому типу.

Выработанные советской текстологией в XX веке, перечисленные принципы составления комментария остаются актуальными и обязательными. Однако современная текстология вынуждена переосмыслять сложившийся опыт; причины изменения функционирования комментария заключаются в смене идеологии и культурной парадигмы, появлении новых сведений, изменении аудитории, а также влиянии Интернета[269]. Одно из следствий этого – тот факт, что «в связи с изменившимся, но пока, к сожалению, неотрефлектированным статусом комментария в гуманитарном сообществе существует расслоение в понимании структуры, назначения и функции этого типа научной работы. Позитивным результатом такого рассогласования станет в ближайшем будущем складывание множества индивидуальных стратегий комментирования»[270].

---

[267] *Мильчин А. Э., Чельцова Л. К.* Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. М.: Олимп: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1999. С. 467.

[268] Монологи о комментарии: А. В. Лавров // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. С. 106.

[269] Об этом см.: *Рейтблат А. И.* Комментарий в эпоху Интернета (Методологические аспекты) // Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия. НЛО. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/re8.html (дата обращения: 28.04.18).

[270] *Майофис М.* От редактора // Комментарий: социальная и историко-культурная

На основе работ Ю. М. Лотмана М. Л. Гаспаров выделяет в качестве основных тенденций три направления специализации комментария: «Во-первых, комментарий, сосредоточенный на внетекстовом фоне, на быте и идеях освещаемой эпохи. Во-вторых – сосредоточенный на литературном фоне, на интертекстуальных перекличках автора с предшественниками и современниками, причем эти переклички тоже могут быть как словесные, так и идейные. В-третьих – сосредоточенный на языковом фоне, на языке и стиле, тоже с оглядками на литературную и внелитературную традицию»[271]. Применительно к нашему предмету нужно отметить, что в книге «Марево» наиболее пристального внимания заслуживает интертекстуальный аспект, в то время как необходимость, например, в традиционном словарном комментарии минимальна. Так, его требуют названия растений (змеиный глаз, ведьмин зуб), а также слово «упруг», которое у Бальмонта используется в значении «мачта», в то время как в словаре Даля это «рабочий срок, от выти до выти, продолженье работы в один прием, до роздыха»[272] (см. также стихотворение «Сдвиг» в книге «Белый зодчий»).

Д. М. Магомедова отмечает, что особенности комментирования символистских текстов лежат в области реального комментария: так, «…в символистском тексте усиливается значение интертекстуальных связей. Отсюда – повышенное внимание современных комментаторов к цитатному слою в символистских текстах, к эмблематическому языку, отсылающему к множеству разнородных традиций, к семантике и этимологии имен»[273]. Однако помимо этого особым значением – например, у А. А. Блока – обладает «природная» лексика, внешне общеупотребительная и «мнимопонятная», вслед-

---

рефлексия. НЛО. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/red5.html (дата обращения: 28.04.18).

[271] *Гаспаров М. Л.* Ю. М. Лотман и проблемы комментирования // Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия. НЛО. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/gasp6.html (дата обращения: 03.05.18).

[272] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: С-V. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 314.

[273] *Магомедова Д. М.* Комментируя Блока. М.: РГГУ, 2004. С. 8.

ствие чего требуется комментарий к мотивам, создающий цельную сюжетную схему.

О необходимости создания новых подходов к изданию классиков Серебряного века говорит Н. Ю. Грякалова: «Сам тип академического издания сложился в недрах позитивистской науки и отражает горизонты позитивного знания. Возникает противоречие, онтологическое по своему существу, между позитивистской методологической матрицей (принципы историзма и биографизма, внимание к генезису текста и историческому фону его функционирования как гаранты “объективности”) и особенности модернистской литературы с выдвигаемой ею проблемой субъективности, нетождественностью авторского “Я”, деиерархизацией жанров, концептуализацией отдельных этапов творчества и выстраиванием индивидуального мифа»[274]. В связи с этим можно предположить, что композиционно комментарий к собранию сочинений Бальмонта будет построен как комментарий-преамбула в целом к творчеству, к каждой из книг в отдельности и построчный комментарий, поскольку в собрании сочинений наиболее целесообразно будет давать произведения не в хронологическом порядке, а воспроизводя прижизненные книги (с добавлением раздела «Стихотворения, не вошедшие в сборники», присутствующего и в большинстве сборников избранных произведений). Такой принцип публикации уже нашел применение в современной текстологии именно при издании поэтов Серебряного века – в собраниях сочинений А. А. Блока и А. А. Ахматовой.

Другой современный текстолог А. М. Грачева выделяет следующие проблемы, возникающие при издании сочинений писателей первой волны эмиграции, к которым относится и Бальмонт: 1) проблемы изучения допечатной и печатной истории текста, вызванные рассредоточением писательских архи-

[274] *Грякалова Н. Ю.* Символистский текст: модусы интерпретации (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003. С. 112.

вов; 2) проблема полноты издания[275]. В качестве решения она предлагает отличный от принятого порядок изданий: первым выходит научно-популярное, предваряющее собой академическое полное собрание сочинений. На практике отдельные научно-популярные издания сочинений Бальмонта уже осуществлены.

Кроме того, нам кажется важным и перспективным изучение возможностей электронных собраний сочинений[276]. Посредством такой формы решается проблема объема комментария: с одной стороны, А. Л. Гришунин, например, утверждает: «Комментарий научного издания должен быть достаточным; объем его нельзя лимитировать»[277], – а с другой, издание собрания сочинений с очень объемным справочным аппаратом является трудным и затратным делом. Открываются также новые технические возможности, такие как, например, наглядная демонстрация интертекста посредством перекрестных ссылок на тексты или показа более крупных фрагментов, чем это возможно в печатном издании. К этому уже пришла современная зарубежная практика книгоиздания: «Постоянно звучат призывы к тому, чтобы комментарии, равно как и разные редакции одного текста, были представлены в виде электронной книги с внутренними гиперссылками разных уровней…»[278]. Важным представляется наблюдение М. Л. Гаспарова: «Комментарий может быть разномасштабным: к каждому слову, к каждому отрывку, к произведению, к авторскому корпусу, ко всей литературе эпохи»[279], – именно электронное издание, по его мнению, может предоставить возможность создания

---

[275] *Грачева А. М.* Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей первой волны русской эмиграции (Собрание сочинений А. М. Ремизова) // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. С. 68.

[276] Примером является электронное академическое издание «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина. URL: https://pushkin-digital.ru/ (дата обращения: 07.05.18).

[277] *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. С. 357.

[278] *Кукулин И. В.* Текстология как история мысли и общественная педагогика // Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия. НЛО. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/kuku11.html (дата обращения: 03.05.18).

[279] *Гаспаров М. Л.* Ю. М. Лотман и проблемы комментирования // Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия. НЛО. 2004. № 66.

такого «многомерного» комментария. Также решается проблема размещения произведений[280]: возможна сортировка по жанровому или хронологическому принципу либо просмотр сборников в авторской композиции. Помимо этого, электронное собрание сочинений позволит свободно включать в комментарий иллюстративный материал – например, обложки первых авторизованных изданий, фотографии автографов.

3.2. Текстологический и историко-литературный комментарий

Текстологический комментарий к «Мареву» должен затронуть историю создания и публикации книги и отдельных стихотворений; однако он не может быть полным ввиду недоступности или утраты рукописей Бальмонта, а также сложности доступа к архивам эмиграции. В сущности, источниками текста являются лишь прижизненное парижское издание 1922 года и первые публикации отдельных стихотворений в периодической печати[281]. Десять публикаций (в «Русском слове» и «Последних новостях») перечисляет В. Крейд в комментарии к сборнику «Светлый час»[282]. Стихотворение «Узник» появилось в «Последних новостях» 31 октября 1920 года (№146. С. 2)[283]. Еще одно, «Упрекающему меня», было опубликовано в газете «Утро России» 15 октября 1917 года (№ 248. С. 2) с двумя другими, не вошедшими в поэтические книги Бальмонта[284].

Из свидетельств о том, как поэт записывал стихи набело и принципиально не отделывал их позже, можно заключить, что обнаружение в рукописях ва-

---

[280] См.: *Королева Н. В.* К вопросу о композиции академического издания Анны Ахматовой // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. С. 79–102.

[281] Список всех опубликованных Бальмонтом за границей произведений см.: Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968: В 2 т. / Сост. Л. А. Фостер. Т. 1: А–К.. Бостон: G. K. Hall & CO, 1970. С. 190–196.

[282] *Крейд В.* Комментарии // *Бальмонт К. Д.* Светлый час: Стихотворения и переводы из 50 книг / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1992. С. 552–553.

[283] *Берд Р., Иванова Е. В.* Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 61.

[284] *Романов А. Ю.* Примечания и комментарии // Константин Бальмонт глазами современников: Сборник / Вступ. ст. Л. Н. Таганова; сост., подгот. текстов, прим. и коммент. А. Ю. Романова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 931.

риантов, заметно меняющих смысл, было бы маловероятно (однако эти свидетельства нуждаются в научной проверке).

Историко-литературный и реальный комментарий должны предоставить по возможности полную и объективную историческую справку. Пристальное изучение датировок может выявить связь стихотворений, вошедших в книгу, с определенными событиями. В целом исторические отсылки здесь довольно прозрачны и восстанавливаются без большого труда: в поэзии этих лет нашли отражение Первая мировая война, голод революционных лет, красный террор, расстрелы, самосуды и т. д. В строках «И забыв сражение, солдаты // По словесным бродят лезвиям» (с. 19) вновь возникает тема дезертирства, волновавшая Бальмонта и появившаяся в статьях сборника «Революционер я или нет». Стихотворение «Седая ночь» говорит о поджогах дворянских усадеб.

Строки «…Убивают пленных там в подвалах, // В красном доме черное есть дно» (с. 78) имеют под собой реальную подоплеку, проясняющуюся в очерке «Трудность», где говорится: «Слова “на Лубянку”, возбуждая ощущения черного и красного цвета, звучат в ушах каждого москвича совсем особой музыкой»[285]. Другой пример включения в поэзию исторических деталей – стихотворение «Возмездие», воспроизводящее слова В. И. Ленина, буквальный перевод выражения «экспроприация экспроприаторов»: «…глашатай грабежа и казни // Сказал толпе: “Награбленное грабь”» (с. 64)[286].

Биографические мотивы играют в книге «Марево» значительную роль: в стихотворениях отразились такие жизненные обстоятельства, как перенесенные Бальмонтом в Москве лишения, эмиграция, тоска по родине и близким, воспоминания о матери, увлечение алкоголем, уединенная жизнь

---

[285] *Бальмонт К. Д.* Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. / Сост., ст., примеч. и коммент. А. Ю. Романова; отв. ред. А. М. Любомудров; вступ. ст. проф. Р. Берда. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2016. Т. 2: Черчу рассказ я: проза. С. 208–209.

[286] Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2004. С. 192.

в Бретани. Автобиографический цикл «Часы» не только перекликается с последовавшим романом «Под новым серпом», но и продолжает биографическую тему в предшествующей лирике Бальмонта. В стихотворении «Я рад» упоминается о разорении имения Бальмонтов: «Скоту приказали их сад растоптать, // Велели их дом распилить» (с. 61)[287].

Книга «Марево» дает также пример обратного влияния творчества на жизнь, что для Бальмонта не было редкостью. Нина Петровская в мемуарах отозвалась об облике поэта: «Петух или попугай»[288]. Илья Эренбург тоже сравнивает в воспоминаниях Бальмонта с экзотической птицей в окне парижской лавки: «Не таким ли попугаем являлся Бальмонт в унылые кануны нашей эпохи? Он мнился нелепым, бесцельным, в своей бесцельности трижды необходимым»[289]. Очевидно, что стихотворение «Узник» послужило основой для этого настойчиво повторяемого сравнения.

Однако не все биографические отсылки удается восстановить. Так, неясно, кому адресовано стихотворение «Двум»: «Ты золотая хризантема, // И черный ирис – милый твой» (с. 38), а также «Встреча», датированное 6 ноября 1920 года.

3.3. Проблемы интертекста, аллюзий и реминисценций

Интертекст в широком понимании – это «любой текст, содержащий цитаты, аллюзии к другим текстам и реминисценции из них… Согласно этой трактовке, цитата “подключает” семантику цитируемого текста к тексту цитирующему, за счет чего усложняется и обогащается содержание последнего» [290]. Способы цитирования при этом могут различаться: возможно как приведение точных цитат, так и любая их трансформация.

---

[287] См.: *Крейд В.* Комментарии // *Бальмонт К. Д.* Светлый час: Стихотворения и переводы из 50 книг. С. 552; Вестник литературы. 1921. № 9 (33). С. 16.

[288] *Петровская Н. И.* Воспоминания (Фрагменты) // Константин Бальмонт глазами современников. С. 77.

[289] *Эренбург И. Г.* Константин Бальмонт (Из книги «Портреты русских поэтов») // Константин Бальмонт глазами современников. С. 33.

[290] *Миловидов В. А.* Интертекстуальность // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 80.

Согласно концепции Р. Лахманн, одна из трех моделей интертекстуальности, называемая партиципацией и свойственная в первую очередь акмеистам, «представляет собой осуществляемое в процессе письма приобщение к текстам культуры, попытку сформулировать в виде текста ту “тоску по мировой культуре”, о которой говорит Мандельштам»[291]; она максимально сохраняет претекст, не играя с ним. Классическая модель, «утверждающая принципы линейного развития, традиционализма, канонизации, чистоты жанра и стиля, закрытой формы и прочно усвоенная академическим литературоведением, вступает в конкуренцию с карнавальной моделью Бахтина – вызовом XX века – особенно в тех случаях, когда культурная память в целом и литературная память в частности оказываются под угрозой гибели»[292].

В книге «Марево» Бальмонт обращается к прецедентным текстам русской литературы, начиная с древнерусского периода: в стихотворениях можно найти реминисценции к «Повести временных лет» и «Слову о полку Игореве». Однако основным источником оказывается литература XIX века.

В статье «О поэзии Фета» (1934) Бальмонт признается: «Пушкин стал моей настоящей и уже навсегдашней безмерной любовью и преклонением сердца, лишь когда я потерял Россию. То есть с 20-х годов этого столетия»[293]. Действительно, книга «Марево» содержит ряд отсылок к творчеству А. С. Пушкина. Так, мотив метели, неоднократно появляющийся в книге, соотносится со сценой из романа «Капитанская дочка». Стихотворение «Ночная пляска» Н. П. Крохина называет продолжением «Бесов»[294]. Явная аллюзия к «Стихам, сочиненным ночью во время бессонницы» обнаруживается в стихотворении «Капли»:

И мне лишь пряжа мечты с тоскою,
И шорох капель один со мною,

---

[291] *Лахманн Р.* Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX-XX веков / Пер. с нем. А. И. Жеребин. СПб.: Петрополис, 2011. С. 39.
[292] Там же. С. 8.
[293] *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1992. С. 393.
[294] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов: Монография. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. С. 208.

Часы чужие там за стеною,

И где-то мышь (с. 49).

В поисках духовных основ Бальмонт обращается к традициям Ф. М. Дотоевского. Как уже отмечалось, идейно-образная сторона «Марева» во многом восходит к роману «Бесы». Подробнее поэт раскрывает эту тему в статье «О Достоевском» (1921)[295].

Образ «птицы-тройки» Н. В. Гоголя – «Я лечу на тройке, той самой, буйной, // Что вещий Гоголь пропел векам» (с. 46) – входит в поэзию Бальмонта, вероятно, уже опосредованным публицистикой Блока. Аллюзии к блоковскому образу России в поэзии, в особенности к произведению «Русь», представлены в стихотворениях «Раненый» (образ России-матери) и «Жуть», где страна предстает в «снежном сне», «сне заклятом» (с. 37–38). В этой связи Крохина пишет: «Вообще “Марево” – книга, в которой поэт продолжает блоковскую линию Серебряного века, в своем сораспятии с безднами и утратами родной страны, глубине погружения в бездну падения и смерти, но без блоковской (погубившей поэта) любви к гибели и блоковского смешения революционного террора со Страшным судом. Поэт – “*мудрец и царь*”, пророк с его обостренным зрением и слухом. Духовное родство с Пушкиным становится все более ощутимым, особенно в кульминационном конце книги»[296]. Более пристальное изучение, несомненно, позволит выявить и другие реминисценции.

Остается не вполне ясным отношение Бальмонта к творчеству современников в рассматриваемый период. В разделе 1.4 нами упоминались произведения, обнаруживающие тематические, идейные, а иногда и текстуальные совпадения с текстом книги «Марево». Сложность установления действительных интертекстуальных связей заключается в том, что, хотя Бальмонт оставил достаточно свидетельств о своем круге чтения в 1917–1922 годах,

---

[295] *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма. С. 236–239.

[296] *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. С. 213.

они преимущественно относятся к фундаментальным для культуры (таким, как Библия), классическим или научным текстам, в то время как о произведениях современников трудно с достоверностью сказать, был ли поэт с ними знаком. С начала Октябрьской революции Бальмонт даже эксплицирует в переписке свое пренебрежение современностью (что не обязательно значит, будто он не читал газет). Еще больше осложняет вопрос историческая ситуация: затрудненность письменной коммуникации в первые годы революции, а также публикации новых произведений в издательствах и периодической печати.

Важнейшей частью использования интертекста Бальмонтом является автоцитирование. В статьях и воспоминаниях, относящихся к исследуемому периоду, можно найти множество перекличек и текстуальных совпадений. В. Марков отмечал эту тенденцию как присущую и раннему творчеству поэта: «Б<альмонт> не раз оформлял один и тот же образный комплекс одновременно (а иногда и одно за другим) и книгой стихов и эссеем»[297].

Перечислим статьи, в которых отразились воспоминания о трех годах после революции: «Белый сон», «Факел в ночи», «Где мой дом?», «Трудность», «Как я не украл»; тяготы эмиграции: «Завтра», «Рознь», «Без русла», «Улица», «Среди чужих», «Письма из Парижа», «Лабиринт», «Разорванные *(Письмо из Парижа)*»; а также те, в которых Бальмонт говорит о положении в России: «Где правда?», «Двенадцатый час», «Тишина», «Живописец одержимых: *А. В. Амфитеатров*»[298]. К темам, поднятым в стихотворениях «Марева», Бальмонт возвращается даже в таком нетипичном для себя жанре, как фельетон: «Разговор с Лелем» и «Немножко зоологии для Красной Шапочки»[299]. Мистический образ Белой Невесты появляется в одноименном расска-

---

[297] *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890–1909. Köln, Wien, 1988. S. 272.

[298] См.: *Бальмонт К. Д.* Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. Т. 2: Черчу рассказ я: проза. С. 204–488; *Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма. С. 209–300.

[299] *Бальмонт К. Д.* Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. Т. 2: Черчу рассказ я: проза. С. 286–290, 385–388.

зе, опубликованном в 1921 году. В стихотворениях 1917–1923 годов, не включавшихся Бальмонтом в сборники, обнаруживаются не только сходные мотивы и образы, но и совпадающие строки, в несколько измененном виде вошедшие в стихотворения «Марева»[300].

Книга «Марево» включает также реминисценции к ранней поэзии. В стихотворении «Вещий сон» (сборник «Тишина») появляется образ гигантской орхидеи, и, согласно мнению Маркова, это «первый “сюрреалистический” сон у Б<альмонта>»[301]. «В глухие дни» («Тишина») изображает картину национального бедствия; в нем, как и в стихотворении «Кровь и огонь», фигурирует комета как зловещее предзнаменование. Стихотворение «Один из итогов» («Только любовь») формулирует историческое кредо Бальмонта, не изменившееся с годами:

У Человека больше сходства
С Христом, чем с Дьяволом, и он,
Впадая в низкое уродство,
Лишь на мгновенье ослеплен.
Впадая в ярость возмущенья,
В великий Сатанинский Сон,
Желая ужаса и мщенья,
Лишь на мгновенье ослеплен.
В гореньи властного пожара
Себе лишь нанося урон,
Впадая в марево Кошмара,
Лишь на мгновенье ослеплен[302].

В стихотворении «Война» («Литургия красоты») употреблено выражение «актеры Сатаны»[303]. «Два строя» («Злые чары») рисует картину, варьирующуюся затем в стихотворении «В преисподней»: «Изломанный и спящий на-

[300] См.: *Бальмонт К. Д.* Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. СПб., 2016. Т. 1: Я стих звенящий: поэзия, переводы. 638 с.
[301] *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890–1909. S. 93.
[302] *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Можайск: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. С. 660.
[303] Там же. С. 735.

яву, // Я в пропасти какой-то, изначальной»[304]. «Последнее видение» («Зеленый вертоград») представляет собой переложение видения Иоанна Богослова. В стихотворении «В белой стране» («Хоровод времен») является образ снежной пустыни и повторяется образ луны, похожей на «глаз мертвеца» (с. 88): «Словно покойника глаз // Месяц глядит с высоты»[305].

Во многом определяют тональность и образность «Марева» библейские мотивы[306], которые и прежде появлялись в творчестве Бальмонта: первое обращение к библейскому сюжету фиксируется в стихотворении «Песня Юдифи», вошедшем в сборник «Под северным небом» (1894).

Религия интересовала поэта не меньше, чем мифология. Андреева-Бальмонт определила его отношение к религии как «прирожденный пантеизм»[307]. Сам Бальмонт в 1920 году пишет о своих верованиях следующее: «Ведь я многогранный… и во мне совмещается христианин и не-христианин. Я люблю и католическую церковь, и православный храм, я люблю готические соборы, уводящие душу в высь. Я люблю христианские легенды и лики итальянской и испанской живописи. Я люблю, когда темный русский мужик произносит слово “Христос”, – я чувствую тогда благое веяние Духа, побеждающее, могуче и сладостно, века и пространства. Но я же ведь всеобъемлющий…»[308].

Как отмечают П. В. Куприянов и Н. А. Молчанова, «Библия была его настольной книгой, обращался он к ней постоянно»[309], хотя при этом Ветхому Завету противопоставлял Новый Завет. Размышления по этому поводу отразились, например, в романе «Под новым серпом», где говорится о «невыполнимой задаче» – «объединить в гармоническое религиозно-философское

---

[304] *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 64.
[305] *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 655.
[306] См.: *Петрова Т. С.* Мотив пути в книге К. Д. Бальмонта «Марево» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. № 5-2. С. 146–153; *Крохина Н. П.* Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов. 250 с.
[307] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания / Подгот. текста, предисл. Л. Ю. Шульман; примеч. А. Л. Паниной, Л. Ю. Шульман. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 352–353.
[308] *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. С. 514.
[309] *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 192.

целое – жестокое Пятикнижие, все обрызганное кровью, и Евангельскую повесть, напоенную словами любви и нежным духом полевых лилий»[310]. Там же Бальмонт выделяет как обладающие особой красотой и гуманизмом книгу Иова, книги пророков Исаии, Амоса и Осии, книгу Руфи, псалмы и Песнь Песней[311].

В «Мареве» наибольшее значение имеют апокалипсические образы, однако книга пронизана аллюзиями и к другим разделам Библии, как явными, так и скрытыми. Мы попытались раскрыть часть отсылок в составленном комментарии (см. Приложение 1).

Возможно, самым загадочным в книге оказывается амбивалентный образ бездны. Впервые он возникает в поэзии Бальмонта еще в сборнике «Под северным небом»: «бездна преступная», «бездна мировая»[312] – и, вероятно, отчасти восходит к поэзии Тютчева. Однако стихотворение «На мотив псалма XVIII-го», содержащее строку «У ног его легли, простерлись бездны…»[313], выявляет и библейские истоки образа.

В комментарии, несомненно, нуждаются мифологические реминисценции. В связи с тем, что в поле внимания поэта находились мифы всего мира, происхождение части из них установить довольно затруднительно. При составлении комментария необходимо учитывать замечание Д. М. Магомедовой: «Опасности расширенного понимания реалии заключаются в недопустимом перерастании комментария в интерпретацию. Об интерпретации можно говорить всякий раз, когда знакомство писателя с тем или иным текстом-источником недоказуемо или вопрос о тексте-источнике вообще не ставится, а комментатор прямо апеллирует к современным справочникам по символике или к мифологическим словарям или энциклопедиям»[314]. Поскольку Бальмонт преимущественно перерабатывает славянский фольклор, необходимо

---

[310] *Бальмонт К. Д.* Автобиографическая проза / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., примеч. А. Д. Романенко. М.: Алгоритм, 2001. С. 212.
[311] Там же. С. 213.
[312] *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. С. 117–118.
[313] Там же. С. 123.
[314] *Магомедова Д. М.* Комментируя Блока. С. 14.

изучить его круг чтения в этой области. Отметим, что в книгах С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила»[315] и И. П. Сахарова «Сказания русского народа»[316] нам не удалось обнаружить значимых совпадений.

Образ «птицы вольности» Стратим, появлявшийся ранее в стихотворениях «Правда» («Тишина»), «Море всех морей» («Жар-птица»), «Птицы» («Зеленый вертоград»), взят Бальмонтом, как указывает Марков, из Голубиной книги[317]. Также из комментария Маркова известно, что прообраз мирового древа в поэзии Бальмонта находится в исследовании А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», с которым поэт познакомился в 1905 или 1906 году[318].

Итак, в книге «Марево» можно выделить четыре основных пласта интертекстов: классическая русская литература XIX века; Библия и христианская культура; славянская мифология; автоцитирование. Их объединяет утверждение духовных основ жизни, необходимых для сознания человека в момент исторической катастрофы.

Выводы по главе

Книги стихов Бальмонта разных периодов творчества требуют творческого подхода комментатора, поскольку имеют свои особенности. В комментарии традиционно должны соблюдаться принципы контекстуальности и объективности, исследовательской новизны. Однако современная текстология вынуждена переосмыслять сложившийся опыт. Так, все больший объем занимает исследование интертекста, и в книге «Марево» наиболее пристального внимания заслуживает интертекстуальность.

---

[315] *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. (Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева).
[316] *Сахаров И. П.* Сказания русского народа / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. I. 800 с.
[317] *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890–1909. S. 85.
[318] Ibid. S. 171.

В связи с переосмыслением подходов к изданию классиков Серебряного века можно предположить, что в собрании сочинений Бальмонта целесообразно будет издавать произведения не в хронологическом порядке, а воспроизводя прижизненные книги. Композиционно комментарий к собранию сочинений Бальмонта может иметь трехуровневую организацию: 1) вступительная статья, содержащая сведения о творчестве Бальмонта в историко-культурном контексте и о текстологических принципах издания; 2) преамбула к каждой из книг в отдельности; 3) построчный комментарий к стихотворениям. Текстологический комментарий к «Мареву» должен затронуть

историю создания и публикации книги и отдельных стихотворений, однако он не может быть полным, в то время как историко-литературный и реальный комментарий должны предоставить по возможности полную и объективную историческую справку.

Кроме того, нам кажется важным и перспективным изучение возможностей электронных собраний сочинений, позволяющих решить множество проблем, включая объем комментария, придание ему разноуровневости, расположение произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью нашей работы было всестороннее изучение книги стихов К. Д. Бальмонта «Марево» – одной из важнейших для истории русской эмиграции. В ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что данная книга представляет собой уникальное явление в поэзии Бальмонта и характеризуется прочной связью с историей и культурой России, а также историей русского зарубежья. Книга «Марево» является важнейшим этапным звеном в творческой эволюции «солнечного» поэта: она отражает перелом в его мировоззрении, вызванный революцией и эмиграцией и отразившийся в содержании и форме стихотворений данного периода. Издание этой книги позволило Бальмонту войти в новую культурную парадигму – искусства русской эмиграции и европейского искусства XX века.

В первой главе были рассмотрены исторические обстоятельства создания книги «Марево», собраны исторические свидетельства современников и самого Бальмонта, изучены критические отзывы и литературный контекст. Систематизированный в главе материал может стать основой для историко-литературного комментария при подготовке научного издания книги.

Во второй главе работы были рассмотрены основные принципы поэтики книги «Марево». При этом было выяснено, что стихотворения в книге объединяются вокруг двух ключевых тем: трагедии России и трагедии поэта. Повторяющиеся мотивы соединяют рассматриваемые стихотворения. Христианские мотивы, в частности апокалиптические, во многом определяют тональность и образность книги «Марево». Ее отличительной чертой являются социальные мотивы, редкие у Бальмонта, а также возникновение имплицитных циклов и лирического сюжета вследствие отказа от внутреннего деления книги на разделы. В стихотворениях, вошедших в «Марево», Бальмонт не экспериментирует с поэтическими приемами, в то время как образность обретает особую экспрессивность и оказывается новаторской.

Книга построена на основе библейского эсхатологического мифа, однако поэт преобразует его, создавая авторскую вариацию с привлечением элемен-

тов других мифологических систем, прежде всего славянской и скандинавской. Бальмонт переносит исторические события на космический уровень, показывая их отраженными в природе.

Третья глава посвящена проблематике комментария, который потребуется при издании полного собрания сочинений. Перспективным представляется формат электронного, интерактивного собрания сочинений, которое позволило бы решить ряд проблем, таких как объем комментария, его уровневое структурирование, расположение материала.

Книги стихов Бальмонта разных периодов творчества в целом требуют творческого подхода комментатора, поскольку имеют свои особенности. Так, в книге «Марево» наиболее пристального изучения требуют интертекстуальные связи, а также автобиографический элемент и художественная форма. Текстологический комментарий к «Мареву» должен затронуть историю создания и публикации книги и отдельных стихотворений, однако он не может быть полным, в то время как историко-литературный и реальный комментарий должны предоставить по возможности полную и объективную историческую справку. Данная работа может стать существенным источником сведений для такого комментария.

Работа над выбранной темой также позволила выделить такие перспективные направления исследований, как соотношение прозы и поэзии у Бальмонта; проблема автоцитирования и самоповторения в его творчестве; текстологическое изучение произведений Бальмонта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Тексты

1. Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные заметки: В 5 кн. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Предисл., подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. – 786 с.

2. Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания / Подгот. текста, предисл. Л. Ю. Шульман; примеч. А. Л. Паниной, Л. Ю. Шульман. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 560 с.

3. Антон Крайний. Бальмонт // Последние новости. 1922. 11 авг. № 710. С. 2.

4. Бальмонт К. Д. Автобиографическая проза / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., примеч. А. Д. Романенко. М.: Алгоритм, 2001. – 608 с.

5. Бальмонт К. Д. Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1992. – 448 с.

6. Бальмонт К. Д. Дар земле: Стихи, 1921 / Вступ. ст. А. Романова. Иваново: Изд. Епишева О. В., 2013. – 87 с.

7. Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко; Ил. и оф. Н. Е. Бочаровой. М.: Правда, 1991. – 608 с.

8. Бальмонт К. Д. Марево: Поэмы. Париж: Франко-рус. печать, 1922. – 132 с.

9. Бальмонт К. Д. Марево: Стихи / Предисл. Н. А. Молчановой. Воронеж: Изд-во ФГУП «Воронеж», 2004. – 96 с.

10. Бальмонт К. Д. Мое – Ей. Россия: Стихи, 1923. Иваново: Изд. Епишева О. В., 2009. – 78 с.

11. Бальмонт К. Д. Несобранное и забытое из творческого наследия: В 2 т. / Сост., ст., примеч. и коммент. А. Ю. Романова; отв. ред. А. М. Любомудров; вступ. ст. проф. Р. Бёрда. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2016.

Т. 1: Я стих звенящий: поэзия, переводы. – 638 с.; Т. 2: Черчу рассказ я: проза. – 828 с.

12. Бальмонт К. Д. Песня рабочего молота. М.: Гос. изд-во, 1922. – 32 с.

13. Бальмонт К. Д. Письмо к З. Н. Гиппиус / Публ. Ж. Шерона // Новый журнал. 2000. № 221. С. 137.

14. Бальмонт К. Д. Революционер я или нет: [Проза и стихи]. М.: Верфь, 1918. – 48 с.

15. Бальмонт К. Д. Светлый час: Стихотворения и переводы из 50 книг / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1992. – 590 с.

16. Бальмонт К. Д. Светослужение: 1936 г. Август. – 1937 г. Январь: Стихи / Предисл. Н. Молчановой. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т [б. и.], 2005. – 82 с.

17. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: В 2 т. Можайск: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. – 830 с.; Т. 2. – 702 с.

18. Бальмонт К. Д. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Н. Орлова. Л.: Советский писатель, 1969. – 710 с. (Библиотека поэта).

19. Бальмонт К. Д. Ясень. Видение Древа / Вступ. ст. Н. А. Молчановой; заключ. ст. Т. С. Петровой; коммент. Н. А. Молчановой и др. Иваново; М.: Издатель Епишева О. В., 2015. – 263 с.

20. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. – 1376 с.

21. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 5. Поэмы и стихотворения (1917–1921) / Отв. ред. С. А. Небольсин. М.: Наука, 1999. – 563 с.

22. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. / Под общ. ред. П. Г. Антокольского и др. Т. 6. Статьи и рецензии 1893–1924. «Далекие и близкие» / Ст. и составл. Д. Е. Максимова; подгот. текстов и примеч.

Д. Е. Максимова и Р. Е. Помирчего. М.: Художественная литература, 1975. – 656 с.

23. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. ст. О. Н. Михайлова; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. – 640 с.

24. Волошин М. А. Собрание сочинений: В 17 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова; коммент. В. П. Купченко. М.: Эллис Лак, 2000, 2003. – 608 с.

25. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Русская книга; Дмитрий Сечин, 2001–2013. Т. 5. Чертова кукла: Романы. Стихотворения. 496 с.; Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. – 704 с.

26. Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. Т. 4. – 800 с.

27. Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Новости, 1991. – 339 с.

28. Константин Бальмонт глазами современников: Сборник / Вступ. ст. Л. Н. Таганова; сост., подгот. текстов, прим. и коммент. А. Ю. Романова. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. – 976 с.

29. Кушнер А. С. Книга стихов // Кушнер А. С. Волна и камень: Стихи и проза. СПб.: Издательство «Logos», 2003. С. 30–40.

30. Луначарский А. В. Ответ Ромену Роллану // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. Западноевропейские литературы. Статьи, доклады, предисловия, рецензии (1904–1931). М.: Художественная литература, 1965. С. 529–535.

31. Мережковский Д. С. Тройная ложь. [Электронный ресурс]. URL: http://merezhkovskiy.lit-info.ru/merezhkovskiy/kritika-mer/rossiya-i-bolshevizm/trojnaya-lozh.htm (дата обращения: 23.03.18).

32. «Мы встретимся в солнечном луче». Письма К. Бальмонта к Дагмар Шаховской: 1920–1926 / Вступ. ст. Р. Бёрда и Ф. Черкасовой; предисл.

С. Шейлз; публ., сост., подгот. текста, примеч. Р. Бёрда, Ф. Черкасовой. М.: Русский путь, 2014. – 624 с.

33. Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину / Публ. Р. Дэвиса, Ж. Шерона // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 22–81.

34. Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 1. Стихотворения. 640 с.; Т. 2. Стихотворения. Переводы. – 592 с.; Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. – 688 с.

35. Эренбург И. Г. На тонущем корабле: Статьи и фельетоны 1917–1919 гг. / Сост., авт. ст. и коммент. А. И. Рубашкин. СПб.: Петербургский писатель, 2000. – 205 с.

II. Исследования

36. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 443 с.

37. Берд Р., Иванова Е. В. Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 55–85.

38. Будникова Л. И. Творчество К. Д. Бальмонта в контексте русской синкретической культуры конца XIX – начала XX века. Монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. – 447 с.

39. Беляева И. С. Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма: на материале произведений Владимира Набокова. Автореферат … канд. филол. наук. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/fiktsionalnyi-kommentarii-v-literature-postmodernizma-na-materiale-proizvedenii-vladimira-na (дата обращения: 23.04.18).

40. Бурдин В. В. Мифологическое начало в поэзии К. Д. Бальмонта 1890-х – 1900-х годов. Автореферат … канд. филол. наук. Иваново, 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/mifologicheskoe-

nachalo-v-poezii-k-d-balmonta-1890-kh-1900-kh-godov (дата обращения: 27.03.18).

41. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Вступ. ст. И. К. Горского; сост., коммент. В. В. Мочаловой. М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.

42. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука: Издат. фирма «Восточная литература», 1994. – 304 с.

43. Грачева А. М. Текстологические проблемы научного издания сочинений писателей первой волны русской эмиграции (Собрание сочинений А. М. Ремизова) // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона, Е. Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 64–78.

44. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. – 413 с.

45. Гришунин А. Л., Опульская Л. Д., Прохоров Е. И. Основы текстологии / Под ред. В. С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 500 с.

46. Грякалова Н. Ю. Символистский текст: модусы интерпретации (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей / Под общ. ред. М. Делона, Е. Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 112–128.

47. Дзыга Я. О. Образ России в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 200–204.

48. Зимина Л. В. Комментирование художественных текстов. Методологические аспекты. Автореферат … канд. филол. наук. М., 1992. – 25 с.

49. Зимина Л. В. Современные издательские стратегии: от традиционного книгоиздания до сетевых технологий культурной памяти. М.: Наука, 2004. – 274 с.

50. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. – 342 с.

51. Карасик В. И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 7. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 32–47.

52. Коваленко А. Г., Петрова Т. С. Константин Бальмонт. Уникальный опыт жизнеописания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2015. № 2. С. 109–111.

53. Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия. НЛО. 2004. №. 66. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66 (дата обращения: 17.09.17).

54. Коробейникова Н. Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста. Автореферат … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/ontologiya-kommentariya-i-ego-rol-v-ponimanii-inoyazychnogo-khudozhestvennogo-teksta (дата обращения: 23.04.18).

55. Космос Бальмонта: Миры и люди: Сб. материалов Всероссийской науч.-практич. конференции (XXVII Бальмонтовские чтения; Шуя, 13 июня 2015 года) / Отв. ред. В. П. Океанский. Шуя-Москва: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2016. – 124 с.

56. Крохина Н. П. Художественный мир К. Д. Бальмонта: Поэтика всеединства. Система образов и мотивов: Монография. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2013. – 250 с.

57. Куприяновский П. В. Некоторые вопросы изучения биографии и творчества К. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. П. В. Куприяновский и др. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1993. Вып. 1. С. 14–23.

58. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014. – 352 с. (ЖЗЛ).

59. Лахманн Р. Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX-XX веков / Пер. с нем. А. И. Жеребин. СПб.: Петрополис, 2011. – 400 с.

60. Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2001. – 759 с. (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).

61. Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. М.: Л.: Наука, 1964. – 102 с.

62. Ляпина Л. Е. Метрический и строфический репертуар К. Д. Бальмонта // Проблемы теории стиха / Отв. ред. В. Е. Холшевников. Л.: Наука, 1984. С. 179–192.

63. Магомедова Д. М. Комментируя Блока. М.: РГГУ, 2004. – 111 с.

64. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.

65. Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту, 1983. С. 115–125.

66. Меркулов И. М. Особенности творческого пути К. Д. Бальмонта в 1920-е годы // Педагогика искусства. 2010. № 4. С. 276–287.

67. Меркулов И. М. Поэтика света и тени в лирике К. Д. Бальмонта. Автореферат … докт. филол. наук. М., 2011. URL: http://www.dissercat.com/content/poetika-sveta-i-teni-v-lirike-kd-balmonta (дата обращения: 20.03.18).

68. Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. М.: Олимп: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1999. – 688 с.

69. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб.: «Искусство–СПБ», 2004. – 480 с.

70. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика: Монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 339 с.

71. Мисникевич Т. В. Текстологические проблемы издания стихотворного наследия Федора Сологуба: Автореферат … канд. филол. наук. СПб., 2007. – 30 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/tekstologicheskie-problemy-izdaniya-stikhotvornogo-naslediya-fedora-sologuba (дата обращения: 19.04.18).

72. Молчанова Н. А. «Доля» и «воля» России в эмигрантской поэзии К. Д. Бальмонта 1920-х – 1930-х годов // Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. Воронеж, 2004. С. 32–52.

73. Молчанова Н. А. Поэзия К. Д. Бальмонта: проблемы творческой эволюции: Автореферат … докт. филол. наук. Иваново, 2002. – 32 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/poeziya-k-d-balmonta-problemy-tvorcheskoi-evolyutsii (дата обращения: 28.09.16).

74. Молчанова Н. А. Поэзия К. Д. Бальмонта 1890-х – 1910-х годов: Проблемы творческой эволюции. М.: МГПУ, 2002. – 146 с.

75. Налегач Н. В. «Поэтика отражений» И. Анненского и феномен поэтического диалога в русской лирике XX века: Монография. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. – 259 с.

76. Налегач Н. В. Циклообразующие мотивы в «Разметанных листах» «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 1. С. 31–37.

77. Петрова Т. С. Мотив пути в книге К. Д. Бальмонта «Марево» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. № 5-2. С. 146–153.

78. Рейсер С. А. Основы текстологии: Учеб. пособие. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. – 176 с.

79. Розина Р. И. О комментарии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М.: Наука, 1988. С. 259–267.

80. Сикорский Н. М. Теория и практика редактирования: Учебник для вузов по спец. «Журналистика». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1980. – 328 с.

81. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Научное издание. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. – 104 с.

82. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Гео, 2011. – 311 с.

83. Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова / Отв. ред. В. Н. Топоров; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Наука, 2006. – 420 с.

84. Текстологические принципы издания малого академического собрания сочинений Вячеслава Иванова. [Электронный ресурс]. URL: http://vyach.ivanov.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10140 (дата обращения: 15.09.17).

85. Тименчик Р. Д. Резоны комментария // Новые безделки: Сборник к 60-летию В. Э. Вацуро. М.: Новое литературное обозрение, 1996. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1023239/110/Novye_bezdelki._Sbornik_k_60-letiyu_V._E._Vacuro.html (дата обращения: 25.04.18).

86. Титаренко С. Д. Константин Дмитриевич Бальмонт // Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Отв. ред. Б. В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко / Учебно-методический комплекс по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 454–477.

87. Титаренко С. Д. «Поэзия ужаса»: метафизика страха у К. Бальмонта // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения: Статьи

и материалы междунар. науч.-практич. конф. 3–5 окт. 2003 г. / Под ред. Н. М. Герасимовой, Е. Л. Мадлевской. СПб.: «Пропповский центр», 2004. С. 241–252.

88. Титаренко С. Д. Трагическая метафизика Ницше: идея вечного возвращения в поэзии К. Бальмонта и Вяч. Иванова // Соловьевские исследования. Вып. 1 (57). 2018. С. 122–136.

89. Титаренко С. Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова: Монография. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. – 654 с.

90. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. М.: Л.: Прибой, 1928. – 228 с.

91. Тропкина Н. Е. Русская поэзия 1917–1921 годов (мотивы и образы): Автореферат … докт. филол. наук. Волгоград, 1998. – 37 с.

92. Тюрина И. И. Мифологизация современной истории в циклах Вяч. Иванова «Година гнева» и «Песни смутного времени» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7. Версии истории в русской литературе XX века. Томск: Изд. Томского ун-та, 2005. С. 5–19.

93. Тяпков С. Н. Некоторые особенности поэтической философии К. Бальмонта (Предварительные замечания) // К. Бальмонт, М. Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. С. 33–45.

94. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

95. Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла. Автореферат … докт. филол. наук. М., 1990. – 31 с.

96. Ханзен-Леве А. А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003. – 815 с.

97. Цыкунова Г. В. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта. Автореферат … канд. филол.

наук. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/religioznye-i-filosofskie-idei-motivy-obrazy-v-khudozhestvennom-mire-kd-balmonta (дата обращения: 27.03.18).

98. Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии // Редактор и книга: Сборник статей. Вып. 3. М.: Искусство, 1962. С. 41–98.

99. Hellman Ben. Poets of hope and despair: The Russian symbolists in war and revolution (1914–1918). Helsinki: Inst. for Russ. and East Europ. studies, 1995. – 421 p.

100. Markov V. Balmont: A Reappraisal // Slavic Review. Vol. 28. № 2 (Jun., 1969). Pp. 221–264. [Электронный ресурс]. URL: http://www.jstor.org/stable/2493225 (дата обращения: 04.12.17).

101. Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont. 1890–1909. Köln, Wien, 1988. – 463 s.

III. Справочная литература

102. Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968: В 2 т. / Сост. Л. А. Фостер. Т. 1: А–К. Бостон: G. K. Hall & CO, 1970. – LVII, 681 с.

103. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Т. 2: И–О. – 672 с. Т. 4: С–V. – 576 с.

104. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.

105. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

106. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991–1992. Т. 1. А–К. – 671 с. Т. 2. К–Я. – 719 с.

107. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. – 358 с.

108. Фритц Ринекер, Герхард Майер. Библейская энциклопедия Брокгауза. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/ (дата обращения: 03.11.17).

109. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2004. – 880 с.

IV. Интернет-ресурсы

110. Александр Сергеевич Пушкин. Электронное академическое издание. URL: https://pushkin-digital.ru/ (дата обращения: 07.05.18).

111. Библиотека Мошкова. Бальмонт Константин Дмитриевич: Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/ (дата обращения: 05.02.18).

112. Константин Бальмонт. Сайт исследователей жизни и творчества. URL: http://balmontoved.ru/ (дата обращения: 19.02.18).

113. Симфония для Библии. URL: https://bible.by/symphony/ (дата обращения: 18.01.18).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КОММЕНТАРИЙ К КНИГЕ СТИХОВ К. Д. БАЛЬМОНТА «МАРЕВО». БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ

КРОВЬ И ОГОНЬ

(с. 25)

И покажу чудеса на небе вверху, // И знамения на земле внизу… (Деяния Апостолов, гл. 2; 19) – Ср.: «И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма» (Деян. 2:19). В этой иерусалимской проповеди апостол Петр, в частности, говорит о том, что в судный день спасутся все, кто призовет имя Господа, и о необходимости покаяния.

Чаша блаженства… – Возможно, отсылка к евангельскому фрагменту: «И, взяв чашу и благодарив, сказал: приимите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие. …сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается» (Лк. 22:17–18,20).

Мчится комета. – Появление комет традиционно воспринималось как предвестие бед и даже конца света.

Или Луна не бывает кровавой // В час как из рощи выходит со славой? // Самое Солнце в своем терему // Разве не спит, все укутавшись в тьму? – Ср.: «Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный» (Деян. 2:20).

С неба низвергнется огненный молот… – Ср.: «Слово Мое не подобно ли огню, – говорит Господь, – и не подобно ли молоту, разбивающему скалу?» (Иер. 23:29). Также здесь, возможно, содержится отсылка к Рагнарёку и молоту Тора, Мьёлльниру, в скандинавской мифологии (см.: *Мелетинский Е. М.* Рагнарёк // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. К-Я / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 362–363).

Бездна разъятая ненасытима… – Ср.: «Преисподняя и аваддон ненасытимы; так ненасытимы и глаза человеческие» (Прит. 27:20).

Мертвые, мимо // Мнимо-живых, – посмотри, их не счесть, – // Вырвались. – Вероятно, имеется в виду предсказанное в «Откровении Иоанна Богослова» воскресение мертвых.

РАНЕНЫЙ

(с. 34)

Свет избавляющий, белый Христос, // С красною розой в груди. – образ Спасителя у Бальмонта перекликается с образом в поэме А. А. Блока «Двенадцать», в первую очередь цветовой гаммой:

Впереди – с кровавым флагом…

<…>

Снежной россыпью жемчужной,

В белом венчике из роз –

Впереди – Исус Христос (*Блок А. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 5. Поэмы и стихотворения (1917–1921). С. 20).

…Братья на братьев с ножом. – Ср.: «И вожди сего народа введут его в заблуждение, и водимые ими погибнут. <…> Ярость Господа Саваофа опалит землю, и народ сделается как бы пищею огня; не пощадит человек брата своего» (Ис. 9:16,19). Это же выражение встречается в наставлении Христа апостолам: «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10:21,22).

Сходный мотив братоубийства появляется в хорошо знакомой Бальмонту «Повести временных лет» (нач. XII в.), например в рассказе об ослеплении князя Василька Святополком: «<Владимир> тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: “Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас вверженъ. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую”» (Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. С. 275).

Вызови влагу, ударив утес… – Отсылка к эпизоду из Ветхого Завета, в котором Моисей по велению Господа вызывает воду из скалы, чтобы напоить ропщущий народ (Исх. 17:1–7). Ср.: «И сказал Господь Моисею: пройди перед народом, и возьми с собою некоторых из старейшин Израильских, и жезл твой, которым ты ударил по воде, возьми в руку твою, и пойди; вот, Я стану пред тобою там на скале в Хориве, и ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода, и будет пить народ. И сделал так Моисей в глазах старейшин Израильских» (Исх. 17:5,6).

ЗВЕЗДНАЯ ПЕСНЯ

(с. 39)

Огонь единственной звезды // Узнал с земли – пастух. – О пастухах, приветствовавших рождение Христа, упоминается лишь в Евангелие от Луки (Лк. 2:8–20): «В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» и т. д.

…И третий встал пастух. – Представление о том, что пастухов было именно трое, прочно укоренилось в культуре, хотя в Библии не говорится об их числе.

Кто верит, с теми вечно Он, // В Ком жизнь и все миры. – Ср.: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8:12) (Отмечено Т. С. Петровой в статье «Мотив пути в книге К. Д. Бальмонта “Марево”» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. № 5-2. С. 148).

В ПУСТЫНЕ

(с. 49)

...Звезда окликает звезду. // Один я в пустыне иду. – Аллюзия к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу…» (ср.: «…Пустыня внемлет Богу, // И звезда с звездою говорит»).

Безбрежна бесчинная ложь. – Ср.: «Ваш отец – дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44).

Ср. также с названием статьи Бальмонта «Кровавые лгуны», написанной о большевиках (Воля России. 1921. № 209. 22 мая. С. 4–5), и статьей Мережковского «Тройная ложь» (см. прим. к ст. «Актеры сатаны»).

Из бездны является зверь. // Он в бездну уходит теперь. – Ср.: «И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. <…> Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится» (Откр. 17:3,8).

ЗАБЫТАЯ ПРИТЧА

(с. 57)

Стихотворение представляет собой переложение эпизода об исцелении бесноватого из Евангелия от Марка:

«И пришли на другой берег моря, в страну Гадаринскую. И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни; увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему, и, вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо

Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много. И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны той. Паслось же там при горе большое стадо свиней. И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море. Пасущие же свиней побежали и рассказали в городе и в деревнях. И жители вышли посмотреть, что случилось. Приходят к Иисусу и видят, что бесновавшийся, в котором был легион, сидит и одет, и в здравом уме; и устрашились» (Мк. 5:1–15).

Кроме того, литературным источником данного стихотворения, а также входящей в «Марево» поэмы «Камнеград» могло стать стихотворение М. А. Волошина «Петроград», написанное 9 декабря 1917 года. Известно, что между Бальмонтом и Волошиным с 1902 года существовала близкая дружба. Ср.:

Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града –
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы (*Волошин М. А.* Собрание сочинений: В 17 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926. С. 255).

Волошину принадлежит стихотворение «Русь глухонемая» (6 января 1918 г.), где «отрок бесноватый» из сходного библейского сюжета об изгнании злого духа (Мк. 9:14–29) сравнивается с «одержимой» Россией. Ср. также со статьей Бальмонта «Революционер я или нет»:

«Революция есть гроза преображающая. Когда она перестает являть и выявлять преображение, она становится сатанинским вихрем слепого разрушения, дьявольским театром, где все ходят в личинах. И тогда правда становится безгласной или превращается в ложь. Толпами овладевает стихийное безумие, подражательное сумасшествие, все слова утрачивают свое содержание и свою убедительность. Если такая беда овладеет народом, он неизбежно возвращается к притче о бесах, вошедших в стадо свиней» (*Бальмонт К. Д.* Революционер я или нет: [Проза и стихи]. С. 7).

НЕИЗБЕЖНОЕ

(с. 58)

Многие строки данного стихотворения почти дословно соответствуют тексту Евангелия от Матфея.

Кто не со Мною, тот против Меня. // Не собирая со Мной, расточает. – «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30).

Древо познаешь всегда по плоду. – «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду» (Мф. 12:33).

Тайности в час свой становятся видны. – «…нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано» (Мф. 10:26).

...Если вы здесь порожденья ехидны. – «Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста» (Мф. 12:34).

Доброе добрый выносит вовне. // Злой же выносит сокровище злое. – «Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Мф. 12:35).

Дух ваш как дно обнажился морское. – возможно, выражение восходит к Второй книге Царств: «И открылись источники моря, обнажились основания вселенной от грозного гласа Господа, от дуновения духа гнева Его» (2 Цар. 22:16). Сходный образ появляется у Бальмонта в воспоминаниях о зимней Москве 1920 года:

«На улице не было ни одного прохожего. Никого, кроме меня. Я шел и казался самому себе привидением, идущим по древнему погосту, где когда-то протекла, как широкая полноводная река, замкнутая в цветущие и высокие берега, целая богатая жизнь, с мыслями, красками, песнями, достижениями, дерзаньями необманувшими, улыбками близкими, счастьем высоким и длительным, с верными, до сердца доходившими угаданьями. Протекла, истекла, разлилась, обмелела, иссякла, обнажила безводное дно, раскинула вправо и влево и повсюду песчаную равнину, безжизненное мертвое пространство» (*Бальмонт К. Д.* Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма. С. 298–299).

Где красовалась вся бездна морей, // В солнце песчаные мертвы пустыни. – Ср.: «Вот, негодованием Моим Я иссушаю море, превращаю реки в пустыню; рыбы в них гниют от недостатка воды и умирают от жажды» (Ис. 50:2).

Не исполняющий воли Моей // Волей Отца осуждается ныне. – Ср.: «Не всякий, говорящий Мне: 'Господи! Господи!', войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21).

Как был Иона во чреве кита // Меру трехночья и меру трехдневья… – Об Ионе упоминает Иисус, когда книжники и фарисеи требуют от него знамения: «Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи. Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы» (Мф. 12:38–40).

...Прежде, чем Бог снизойдет к вам в кочевья. – Возможно, аллюзия на Книгу Чисел, где описывается, как Бог в наказание за то, что израильтяне усомнились в пригодности обетованной земли, устроил так, чтобы они кочевали еще сорок лет (Чис. 14:26–37). Ср.: «…По числу сорока дней, в которые вы осматривали землю, вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет, год за день, дабы вы познали, *что значит* быть оставленным Мною» (Чис. 14:34).

АКТЕРЫ САТАНЫ

(с. 59)

Стихотворение основано на апокалипсической образности и обнаруживает заметное сходство со статьей Мережковского «Тройная ложь», впервые опубликованной в варшавской газете «Свобода» (1920. 28 сентября. № 62. С. 1–2). Ср.: «Большевики – сыны диавола, лжецы и человекоубийцы от начала. Лгут и убивают, убивают и лгут. Покрывают ложь убийством, убийство — ложью»; «От начала солгали: “Мир, хлеб, свобода”. И вот – война,

голод, рабство»; «Так сейчас в России, так будет и во всей Европе, если пройдет по ней большевизм. Где конь этот ступит копытом, там трава не растет; где саранча эта сядет на землю, там уже ни былинки, ни колоса. Съели Россию – съедят и Европу, весь мир съедят. Вот для чего идут с Востока на Запад красные полчища. Не Троцкий ведет их, а полководец иной – апокалипсический всадник на черном коне с черным знаменьем – Голод».

...Голод, казни и чума. – Четырех всадников Апокалипсиса, персонифицирующих бедствия перед Страшным судом, принято представлять как Мор (Чуму), Войну, Голод и Смерть («бледный всадник»).

Край, что был для стольких стран // Пышной житницей зерна… – в начале XX века Российская империя поставляла в Европу более 10 млн тонн зерна и муки в год, занимая первое место в мире по объему экспорта ржи и ячменя, второе – по количеству продаваемой пшеницы.

Апокалипсис раскрыл // Ту страницу… – Из видения Иоанна Богослова: «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее? И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее» (Откр. 5:1–3).

...в огне // Саранча со звоном крыл, // Бледный всадник на коне. – Ср.: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела» (Откр. 8:7); «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. <…> На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну» (Откр. 9:3,9); «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя 'смерть'; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» (Откр. 6:8).

В ст. «Хлеба нет», также входящем в «Марево», Бальмонт называет саранчой большевиков:

Есть хочется. А хлеба нет.
Я это знал в Москве забытой,
В Москве когда-то именитой,
Где саранча бесовской свитой,
Засев, сидит уж много лет (с. 62–63).

В НЕСОСЧИТАННОМ

(с. 64)

Есть где-то там внизу такая голова… …папирус старый, // Где каждая строка есть кровь и злые чары. – Происхождение образов не установлено. Упоминание о папирусе, вероятно, связано с тем, что Бальмонт изучал египетскую мифологию.

…Ангел Бездн дохнул в свою трубу. – Ср.: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю… <…> Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион» (Откр. 9:1–3,11).

КТО

(с. 66)

Кто мне скажет: «Встань. Проснись. Пойдем»? – Вероятно, отсылка к воскрешению Лазаря. Ср.: «Он воззвал громким голосом: “Лазарь! Выходи!” И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: “Развяжите его, пусть идет”» (Ин. 11:43,44).

МЫСЛЬ

(с. 83)

Я брошен был врагами в львиный ров, // Но львы, придя, меня не растерзали… – Согласно Книге пророка Даниила, этот пророк был брошен в ров со львами, но остался невредим: «Тогда Даниил сказал царю: царь! вовеки живи! Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред Ним чист, да и перед тобою, царь, я не сделал преступления. Тогда царь чрезвычайно возрадовался о нем и повелел поднять Даниила изо рва; и поднят был Даниил изо рва, и никакого повреждения не оказалось на нем, потому что он веровал в Бога своего» (Дан. 6:21–23).

Но в паруса я обращаю сети. // И в красный цвет играющие дети // Моих не остановят кораблей. – Эти строки перекликаются со стихотворением В. И. Иванова «Небес летосчисленье – тайна людям…» (28 января 1918 г.), входящим в цикл «Песни смутного времени»:

Обидел душу Руси, Церковь, – бес:
Подвигнулись священные галеры
Хоругвей плавных… Чу, – «Христос воскрес!»…
И Дух попутный дышит в парус веры… (*Иванов Вяч.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 74).